

*Мы все умрем, людей бессмертных нет.
И это всем известно и не ново.
Но мы живем, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово.*

Расул Гамзатов

Пока сотрудница районного комитета социальной защиты населения, которая представилась Диной Ивановной, изучала его документы — паспорт и трудовую книжку, — Донцов исподтишка рассматривал ее. Дамочка была в теле и в возрасте, который называют «бальзаковским». Правда, Донцов, будущий пенсионер, не совсем понимал, что значит этот самый возраст, но почему-то подумал сейчас именно об этом.

Смотрел он сейчас на Дину Ивановну не старыми еще глазами — им совсем недавно исполнилось пятьдесят восемь годков от рождения, отчего не смотреть?! Дина Ивановна раза два уже поднималась к шкафу с папками и скоросшивателями, поворачивалась к Донцову спиной, и тогда он откровенно любовался ее стройным станом, талией, перехваченной узеньким пояском, красивыми загорелыми ногами. Когда же она возвращалась к столу и с оза-

боченным видом наклонялась над ним, он видел в глубоком декольте платья золотой медальон-сердечко на узенькой цепочке.

«Вот чертовка! — думал он. — Знает же, что смотреть на нее будут. Могла бы и скромнее одеться. На службе, как-никак. К тому же ходят сюда, в соцзащиту, в основном старики вроде меня...»

В этом месте своих праведных размышлений Донцов усмехнулся — стариком он себя не считал, мужские силы в себе еще чувствовал.

Она подняла на него синие-синие глаза, Донцов даже вздрогнул — столько в них было высокого летнего неба. И что странно: она и десять, и пятнадцать минут назад временами взглядывала на него, но только сейчас он отчетливо увидел озерную синь и глубину ее глаз.

Надо же! В те минуты, которые были уже позади, он видел другие глаза, в них отчего-то не было сини и глубины, особого какого-то света, а тут... Женщина будто включила внутренние лампочки, и они светились сейчас неожиданно ярко и покоряюще чисто.

В следующее мгновение лицо Дины Ивановны опять изменилось, сделалось казенным, строгим, и голос ее зазвучал знакомо, сухо.

— Ну что, Баян Мильтонович, я посмотрела ваши документы... — Она повертела в пальцах трудовую книжку. — Вроде бы все в порядке.

— Простите, Дина Ивановна, меня зовут Боян Мелитонович. Я... не совсем вас понимаю.

Было видно, что женщина сдерживала улыбку. Деланно покашляла.

— Да у вас... что за имя? И отчество... Не сразу запомнишь. Я сколько работаю, никогда такого имени не встречала — Боян... Баян как-то легче запоминается. И произносить удобнее.

Донцов молчал, хмурился.

— Родители, конечно, выпендриваются друг перед другом, выдумывают экзотические имена. Марлен, к примеру, слышали? Означает Маркс и Ленин. Ну, это еще на заре советской власти такие имена давали. Или Революция. Женское, разумеется, имя. Опять же Сталь. Это под Сталина мода была. Ну, Аврора — под корабль, какой по Петрограду из пушки палил... Эраст, Эразм... Напекающие какие-то имена, чувствуете? Или возьмите — Октябрина... В честь Великого Октября.

— У меня жена... Октябрина Васильевна, — вставил робкое Донцов. Напор, с которым говорила Дина Ивановна, несколько сбивал его с толку.

— Да? Неужели?! — она радостно засмеялась, и волны каштановых, красиво уложенных волос на ее голове дружно запрыгали, затряслись. — Я же говорю — в честь Великого Октября. Она же в советское время родилась, так?

— Так, — подтвердил Донцов. — Мы с ней одногодки. Мне пятьдесят восемь.

— Да-да, я вижу, — Дина Ивановна снова уткнулась в документы. — И что же вы, Боян Мелитонович (теперь она тщательно проговорила каждую букву его имени-отчества) не доработали до шестидесяти? Сейчас бы мы с вами не ломали голову... Кстати, кем вы работали? Лино... Не беру что-то почерк.

— Линотипистом. В областной типографии.

— Это что такое — линотип, да?

— Линотип — строкоотливная машина. Я набирал газеты, книги. Журналы тоже.

— А, понятно. Надо думать, вы грамотный человек. У вас образованные какое?

— Московский полиграфический институт. Заочно.

— А работали простым рабочим?!

— Да, так вышло. Мне предлагали мастером, когда я институт окончил... Но линотиписты хорошо зарабатывали. А для пенсии это имеет значение.

— Понятно.

Донцов заметил, что Дина Ивановна снова назвала его «Баяном», но решил не поправлять.

— Что же это родители дали вам такое несуразное имя? — спросила вдруг Дина Ивановна. Сказала она это вполне дружески, необходимо, с улыбкой.

— Почему же это «несуразное»? — с улыбкой отвечал и Донцов. — Очень даже суразное. Боян — это воин, боец. Старинное русское имя. Еще в «Слове о полку Игореве» упоминается. Помните?

— Ну... — Дина Ивановна замялась. — Что-то такое было... в школе... Забыла уже. А Мелитон, отец ваш... Он что — грузин?

— Почему грузин?

— Вот, помню, на немецкий рейхстаг наши солдаты знамя Победы вешали... Один — Михаил Егоров, наш, русский, а другой — Мелитон Кантария, кажется. Грузин.

— Да, это так. В честь Сталина-грузина и подобрали в пару к Егорову. Но Мелитоном и русских называют. Имя это означает по-гречески — медовый, сладкий. Святой мученик Мелитон, пострадал за веру Христову. Правда, давно это было, еще в третьем веке. Отца моего в его честь и назвали. Дед мой православным христианином был. Вообще, верующая семья была.

— А вы лично?

— Я атеист. В советское время жил. Нас учили: вера в Бога — опиум для народа. Да и вы должны это помнить, Дина Ивановна.

Она пожала плечами, промолчала.

— А жена, Октябрина, в церковь стала ходить, молиться научилась, — продолжал он.

— Октябрина... церковь, — хмыкнула Дина Ивановна. — Нонсенс!

— Не понял! — наострил уши Донцов.

— Это значит несуразица, нелепость, — пояснила она. — Несовместимо такое имя и церковь. Представьте себе, что Марлены, Маркс и Ленин, тоже бы стали ходить в церковь и молиться. Или, вообще, коммунисты, руководители. А?

— А Ельцин?! — тут же возразил Донцов. — Ходил в церковь, крестился.

— Ладно, все! — Дина Ивановна, как щит, подняла ладони. — Тор-мозим, Баян Мильтонович. Не нашего ума это дело. Понятно, что двойные ва, а то и тройные. Одному Иисусу Христу можно верить. И говорил по делу, и на кресте себе не изменил, не просил прощения в смертный час... Мы — простые смертные, значит, грешники. Вчера с партбилетом в кармане — да здравствует коммунизм, светлое будущее, а сегодня... Ну, что сегодня — мы знаем.

— А вы были в партии? — спросил Донцов.

— Не успела. В кандидатах почти год проходила, потом Горбачев появился, перестройка началась... Дальше, сами знаете, что было.

Резко переменяла тему:

— Вас почему за два года до пенсии уволили?

— Линотипы в типографии стали не нужны. Другой век пришел. Людей на компьютеры переучили.

— А вас?

— Я... тоже собирался. Но... с начальством не поладил.

— Ясенько, — Дина Ивановна помолчала. — Короче, линотипист. И что же мне с вами делать? Куда устраивать? Думаю, технический прогресс не только вашей типографии коснулся.

— Я тоже так думаю. Сам искал работу по профессии. Не нашел.

— М-да... Знаете что, Баян Мильтонович...

— Дина Ивановна, прошу еще раз: не коверкайте мое имя.

— Не обижайтесь, — она тронула его руку. — Так почему-то получается. Я вам признаюсь: подмывает меня поозорничать с вами, по-другому как-то называть. Очень уж у вас имя... игривое.

— Скажете тоже!

— Да-да, игривое! Боян, Баян, Буян... Да еще Мелитонович. Сами же говорите — медовый, сладкий. Ах! — Женщина подняла синие свои глаза к потолку.

Донцов невольно оглянулся — не слушает ли кто-нибудь их фривольный треп?

Нет, в комнате с тремя столами они сейчас были вдвоем.

— Дина Ивановна, — сказал Донцов, стараясь придать голосу строгость. — Вы меня, наверное, не так поняли.

— Ой, да бросьте вы, Буянчик! — она хихикнула. — Как будто я слепая, не вижу, что вы меня всю обсмотрели, с головы до ног.

Легким, привычным взмахом руки она взбила пышные свои волосы.

— Простите, простите, я пошутила! — деловым уже, извиняющимся тоном произносила она в следующую минуту торопливые слова. — Накатило что-то настроеннице подурачиться. День хороший на дворе. Гляньте за окно — небо синее, листья желтеют, осень скоро. Не заметила, как лето пробежало. И вообще — жизнь... Ладно, давайте вернемся к делу. Итак, Боян Мелитонович, вы работать хотите? Силы есть? Здоровы?

— Силы есть. Здоров. Что ж теперь с утра до ночи перед телевизором сидеть?! С ума сойдешь.

— Правильно. Отупеть можно. Тогда так: я обзвоню кое-кого. У меня где-то записано, что на Левом берегу нашего города, на окраине, есть небольшая частная типография. Вполне возможно, что там и линотипы сыщутся. Типография эта печатает небольшими тиражами газеты, брошюры, пригласительные билеты, листовки...

— Листовки?!

— Да, а что вы так удивились? Продукция эта пользуется спросом. Скоро выборы... Листовка — самая подходящая для агитация штука. Разносят по почтовым ящикам. Прочитал, положил в карман, запомнил. Вы что, Боян Мелитонович, ни разу, что ли, не находили в своем почтовом ящике листовок?

— Находил. И агитационные газетенки тоже. Буклетики.

— Ну вот. Ваша профессия еще может пригодиться. Вы грамотный, образованный человек, а по статусу — рабочий. Также имеет значение. Нынче на рабочие профессии большой спрос.

Донцов поднялся.

— Когда мне вам позвонить, Дина Ивановна?

— Через неделю. Или я вам сама позвоню, если раньше что узнаю.

Постараюсь вас устроить, Буянчик. Не бросать же такого славного парня на произвол судьбы.

И снова в глазах Дины Ивановны зажглись синие призывные огни. И Донцов правильно прочитал их значение. Подхватил игру:

— Ну, какой еще «славный парень», Динуль? Скромный, стеснительный пожилой мужчина...

— ...который умеет оценить женщину, — вторила она. — Уж позволите мне в этом не сомневаться.

Донцов вынул из пакета коробку конфет, положил ее перед Диной Ивановной.

— Угощаю. За доброе ваше сердце.

— Ух, мои любимые! — Она погладила коробку кончиками пальцев. Тоже встала, проводила посетителя до двери. Сказала зачем-то:

— А вообще, Боян Мелитонович, нужно и к пенсии готовиться, к отдыху. Я-то позвоню насчет линотипа, не беспокойтесь, но мало ли как повернется жизнь. С вашей специальностью... м-да. Так что вполне мы можем оформить вам досрочную пенсию. И тогда наступит для вас, как в нашем управлении говорят, *период дожития*.

— Какие мрачные слова! — не удержался от грустного возгласа Донцов.

— И не говорите! — Дина Ивановна охотно поддержала интонацию его реплики. — Сама в ужас прихожу, когда подумаю, что и мне скоро это же предстоит.

— Вам еще не скоро, Дина! Вы такая молодая!

— Правда? Вы так считаете?

— Конечно, правда! Выглядите вы лет... ну, на тридцать пять. Не больше.

Она засмеялась легко и радостно, шагнула к нему, на мгновение прижалась, обдав Донцова запахом хороших дорогих духов.

— Умеете говорить женщинам комплименты, Буянчик, умеете! Это хорошо. Спасибо. До свидания.

И подала Донцову — Бояну, Баяну, Буяну — маленькую мягкую ладонь.

* * *

Октябрина Васильевна, вышедшая на пенсию тремя годами раньше Донцова, — крупная дама, с короткой седой стрижкой и ухоженным, здорового цвета лицом, в любимом атласном халате — пребывала сейчас, когда он открыл своим ключом дверь и вошел в прихожую, в привычном для себя состоянии: не отрываясь от экрана телевизора, смотрела очередной мордобою на НТВ. Донцов не мог себе объяснить, и жена не давала ему внятного ответа — почему ее так привлекают детективы, драки, стрельба, искусственная «кровь» на лицах актеров, конвульсии «умирающих» людей. На прямой вопрос Донцова отвечала Октябрина Васильевна общими словами: мне, мол, нравится. С таким же упоением она смотрела и боксерские поединки, когда тот же Кличко-старший лупил Поветкина, а громадный Николай Валув с какой-то опаской, возвышаясь над своим соперником на полкорпуса, то и дело отскакивал от него, и тогда Октябрина Васильевна возмущенно вопила на всю квартиру: «Да что ты его боишься, Коля?! Бей!» А если сражались два негра, и бой был по-настоящему интересным, активным, она говорила одобрительно: «Вот это му-

жики, хоть и черные! Дал один другому в челюсть, тот сразу на пол. Лежи теперь... ха-ха-ха...»

В молодости жена Донцова и сама занималась спортом, безбидным бегом, дотянула в своих успехах даже до первого разряда, а потом все бросила, надоело. Работала она на радиозаводе начальником планового отдела, хорошо знала нормировочное дело, учила супруга экономить секунды, совмещать движения рук и операций, не отвлекаться на посторонние дела и тем самым поднимать производительность труда. Он, разумеется, понимал, о чем речь, в их типографии была нормировщица, но при ней, когда она снимала хронометражи, старался работать медленнее, чтобы та не завывала ему норму выработки на линоTYPE — тогда он мог бы больше зарабатывать.

Детей у Донцовых не было; хотя Октябрина и беременела несколько раз, но выносить дитя почему-то не получалось. А взять на воспитание чужого ребенка они не решились.

После выхода на пенсию она посвятила себя здоровью, сознательно и упорному продлению «периода дожития». Регулярно читала газеты с разделом «Доктор советует», подписалась на «Медицинскую энциклопедию», не пропускала ни одного телевыпуска с участием своей любимицы Елены Малышевой, сидела сразу на всех диетах, волнуясь за фигуру, любила посещать врачей и часто сдавала анализы. А потом долго и нудно рассказывала Донцову: что такое гемоглобин, как снизить холестерин, как бороться с аритмией сердца, что надо есть при гипертонии и как вести себя женщине в период климакса.

Донцов слушал, кивал, делал вид, что все это ему очень интересно, а на самом деле в ушах у него была сквозная дыра — в одно ухо влетали полезные, разумеется, медицинские сведения, а из другого со свистом вылетали. В свои годы он чувствовал себя сносно, не пил и не курил, то есть вел здоровый образ жизни, и голову всякой чепухой старался не забивать.

Он, как и большинство мужчин, судил о здоровье жены по своему собственному самочувствию, потому рассуждал примерно так: «Она же раньше меня вышла на пенсию, потому и чувствовать себя должна лучше...» Но лет пять назад ... (да-да, ей тогда как раз исполнилось пятьдесят три) она перебралась спать из супружеского ложа на диван в зал.

Донцову сухо внушала:

— Боня, не приставай ко мне, хватит глупостями заниматься. Ты уже не молодой. Доктор Малышева по телевизору говорила...

Донцов робел перед медицинскими познаниями супруги — если она что говорила, значит, знала. А это дорогого стоит — внимания к ее здоровью и в частности к женскому организму, оставшемуся без мужского участия.

— Так что успокойся, Боня! — веско подытожила разговор Октябрина свет Васильевна.

«Боней» Октябрина Васильевна звала Донцова давно, он уже и не помнит, с какого именно времени, чуть ли не с самой свадьбы. А о дате их бракосочетания и вспоминать не хочется — столько лет прошло!

Имя Боян Октябрине, как и этой насмешнице Дине Ивановне, не нравилось; с молодых лет Октябрина ловко переставила в имени последние буквы: получился Боня. Он в принципе не возражал — ладно, дома можно и по-домашнему. Хотя и собачек так называют... Но в свою очередь Донцов тоже малость перекроил ее имя, сократил до «Окти». Окти — для равновесия отношений.

Свет Васильевна сначала обиделась и запротестовала: что тебе, муженек, лень еще несколько букв произнести, что ли? Это же не просто имя, данное мне родителями, а Великий Октябрь, символ советской власти...

Он ей тоже прочитал тогда короткую лекцию об имени Боян, два-три раза назвал на японский манер Октя-сан-Брина, она его — «Аккордеоном» и «Гармонью»... Дальше фантазия затормозила.

Посмеявшись над выдумками, они успокоились. А домашние имена у них прижились.

И все в семье шло хорошо и ладно.

А потом последовало памятное для Донцова переселение супруги на диван в зал, к телевизору, подальше от семейного ложа, и Боня загрустил в одиночестве...

— Это ты, Боня? — спросила Октя, не поворачивая головы от телевизора: на НТВ был как раз важный момент...

— Я, я, — отвечал Донцов, сбрасывая туфли.

Он прошел на кухню — чего бы перекусить? На плите стояла кастрюля со вчерашним супом, а еще сковорода с остывшими макаронами.

У ног Донцова терся явно проголодавшийся его любимец — белоснежный кот с изумрудными глазами — Кузьма, Кузя.

— Я сейчас, Боня, — подала голос Октя, услышав, как муж гремит крышками посуды. — У меня там мясо в холодильнике есть, разогрею... — Тут мужик... Вон, целится! Вот, гад! Убил-таки.

— Ладно, подожду.

Донцов налил Кузе молока, ушел в спальню, где переоделся в трико и легкую тенниску, с наслаждением вытянулся на широкой мягкой кровати.

Перед глазами стояла Дина Ивановна.

«Знатная бабенка, — расслабленно думал он. — Приветливая, контактная. Интересно, замужем она, нет? Непохоже. Замужние скромней себя ведут. А тут сразу: «Буянчик... Я вам позвоню...»

Интонации женщины легко понять.

Появись в проеме двери Октя, села у тумбочки, напротив кровати, закинув ногу на ногу.

— Ну что, сходил? — спросила она.

— Сходил, — он отвечал вяло, неохотно. Почему-то не хотелось рассказывать супруге подробности своего визита в управление по соцзащите — ничего же пока не решилось.

— И что сказали? — Октябрина Васильевна допрашивала мужа тоном следователя.

— Что сказали... Линотипистом вряд ли куда возьмут. В двадцать первом веке живем, компьютеры везде.

— А я тебе что говорила?! Давно надо было купить хотя бы подержанный комп, поучился бы на нем. Другие же учились. И молодые, и старики вроде тебя.

Беззвучно появился на пороге комнаты Кузьма, облизываясь, стоял у двери, прислушиваясь к разговору хозяев. Потом вспрыгнул на кровать, улегся у ног Донцова.

— Ишь, развалился! — Октябрина бросила в его сторону неприязненный взгляд, кота она недолюбливала. Явно хотела еще что-то добавить, но разговор о мужниной пенсии был важнее.

— Я думал, дотяну до шестидесяти, — отвечал Донцов на вопрос жены. — Меньше же двух лет осталось.

— Думал он!.. Если бы сразу компьютер купили, да на курсы записался... Сейчас бы не кусал локти.

— Меня бы все равно выгнали, — ровно произнес Донцов. — Я ведь рассказывал тебе, как вел себя директор наш, Селезнев, что он мне посоветовал — ищи, мол, другую работу, Донцов. Мне критиканы не нужны.

— А ты бы и не лез со своей критикой! — Октябрина прибавила гневного голоса. — Всех оставили, а тебя сократили.

— Критиковал я его потому, что он — козел и прихватизатор нашего общего имущества, типографии! — взвился и Донцов. — Создали акционерное общество, но почему-то директору досталось почти девяносто процентов акций. Это что — честно? Я и сказал на общем собрании...

— По-разному можно сказать.

— Я сказал, что он, Селезнев... просто пират! И совершил захват имущества.

— Это я уже слышала.

Донцов промолчал, да и говорить, собственно, было нечего.

— Слушай, Боня... Что-то я не пойму — что за запах? — Октябрина Васильевна потянула носом, обернулась к спинке стула, на котором сидела. Взяла в руки рубашку мужа, понюхала.

— Фу! Духи, бабские. С кем это ты, муженек?

— Что «с кем?» На что намекаешь? — Донцов едва сдержался, чтобы не нагрубить супруге. — Сидел с полчаса в комнате, где три женщины... Вот и пропитался запахом, не иначе. А тебе все мерещится.

Октябрина вернула рубашку на место, поджала губы.

— Ничего мне не мерещится. Потерялся возле какой-нибудь...

— Октя, прекрати! — крикнул Донцов.

— А ты не трись возле каждой юбки! — закричала и Октябрина Васильевна. — Котяра. И Кузьма твой такой же развратник! Утром Галина Петровна приходила, да будет тебе известно.

— Какая еще Галина Петровна?

— Со второго этажа, какая. Алименты с нас требовала. С тебя!

— С меня?!

— Не с Кузьмы же. У него денег нет. А он прошлым летом Муське Галины Петровны шестерых котят сообразил. И опять она с пузом ходит. Родит-окотится — новые заботы у Галины Петровны. А у нее маленькая пенсия. Вот и плати. А лучше, сказала, корм покупайте: «Вискас» для котят и сухой корм для Муськи. И молока. Хотя бы один пакет в неделю.

— Да, может, это не наш Кузьма...

— Он, паразит, он! Спит да ест, чем ему еще заниматься. По ночам погулять просится, я его выпускаю в подъезд. И сама видела, как он Муську охаживает. Кастрирую я его, — Октябрина Васильевна продолжала говорить в повышенном тоне. — И тебя бы заодно. Все вы коты, только об одном и думаете. А пора уже успокоиться, Боня, пора! В такие-то годы! «Рубашка у него пропахла!» Врал бы половчее.

— Ревнуешь, что ли? — Донцов не смог удержать невольной улыбки.

— Ха — ха! «Ревнуешь!» Делай, что хочешь. Только ко мне не прикасайся. И чтобы я ничего не знала.

— Хм. Зачем же нам в таком случае жить вместе? Давай разведемся.

В планы Октябрины Васильевны, судя по всему, это не входило, и она резко переменяла тему:

— Ладно, поговорили. Я пойду, еду разогрею. Поешь.

...Где-то около полуночи, когда телевизор в зале стих и Донцов слышал, как супруга, вздыхая, укладывалась спать, он встал и почему-то на цыпочках пошел к ней.

— Октя, не спишь? — спросил вполголоса, вкрадчиво шаря в темноте по поверхности одеяла.

— Успнешь тут! — она отвечала раздраженно, зло. — Такое разве можно на ночь впечатлительным людям показывать?! Ты только представь: расчленили парня и... дальше и рассказывать не могу. Это же звери какие-то, не люди!

«Вот чем башка ее занята, — чертыхнулся про себя Донцов. — А тут ты со своими ласками...»

* * *

Дина Ивановна позвонила на третий день после посещения Донцовым районного управления по соцзащите, с места бодро взяла в карьер:

— Баян Мильтонович?

— Да, я.

— С комсомольским приветом, Дина Зубарева.

— Почему с «комсомольским»? Я давно уже не комсомолец.

— Это я по старой привычке, простите. Почти одиннадцать лет в комсомоле отпахала.

— Понял. Есть новости?

— Да. И для вас, думаю, обнадеживающие. На Левом берегу, в Ремесленном переулке — черт его знает, где он находится... Так вот, там есть небольшая частная типография, собственность Ракитина. Он готов с вами встретиться, я его попросила. И что надо, сказала. Езжайте, поговорите.

— Я ваш должник, Дина Ивановна.

— Ну-ну, вы сначала устройтесь.

— Спасибо. Я поехал.

— Звякните потом, Буянчик.

— Непременно!

За хорошую весть Донцов простил Дине Ивановне и «Баяна Мильтоновича» и даже фамильярного «Буянчика». Приятно было слышать ее жизнерадостный голос и то, что она сообщила о возможном его трудоустройстве. А упрекать женщину в некой вольности обращения... В конце концов, чего перевоспитывать взрослую представительницу прекрасного пола, если она — возможно! — так общается со всеми клиентами, *в ласковом тоне*, и готова всем помочь?! Лучше бы ему было, что ли, если бы Дина Ивановна недели через две-три позвонила ему и сказала равнодушно: «Знаете, Боян Мелитонович, ничем не могу вас порадовать...» К тому же укрепившаяся обида на Октя не давала теперь покоя. Как она шуганула его от своей постели, как назвала «котярой»... За что? Чем это он заслужил такое к себе отношение? В конце концов, если у него что и было в молодости, с типографской одной бабенкой, Мариной, то Октябрина не знала ничего... Хотя... ей могли и позвонить, намекнуть...

Но все равно — с чего это супруга взялась стыдить его за вполне здорové желания? Скажи кому — не поверят, засмеют. Ты, мол, мужик или тряпка половая?! Мало ли отчего баба взбрыкнет! В ежовых рукавицах ее надо держать!

В прихожей Донцовых стоял параллельный телефон. Октябрина Ва-

сильевна, выйдя из кухни, осторожно подняла трубку и слышала практически весь разговор мужа с Диной Ивановной. Конечно, она сразу уловила интонацию звонившей женщины, а ласковое «Буянчик» на какое-то время лишило ее речи. Вот он, значит, муженек каким образом ищет работу!

Когда Донцов положил трубку, Октябрина спросила как бы между прочим:

— Кто это звонил, Боня?

— Из соцзащиты. Ехать надо на Левый берег, насчет работы.

— Давно она тебя Буянчиком называет?

— Гм... — Донцов растерялся. — Ну... нет. Но не могу же я человеку запретить... Назвала и назвала.

— Так-так, Буянчик. Хорошо. Ты пожалеешь...

— Да причем тут я?! Хочется ей так обращаться, пусть обращается.

Я лично — ты слышала — называл ее официально: Дина Ивановна. Все! Некогда мне переливать из пустого в порожнее, я поехал.

Донцов, сердито грохнув дверь, ушел, а Октябрина Васильевна, посадив Кузьму в сумку, отправилась с ним в ветлечебницу.

Кот, почувствовав неладное, пытался вырваться на свободу, но не тут-то было: хозяйка так завязала сумку тесемкой, что даже голова Кузи в оставшуюся дыру не пролезала, из нее торчали только розовый нос да роскошные усы, гордость кота и красота.

«Хозяину своему спасибо скажи, — Октябрина Васильевна косо поглядывала на мордочку кота. — «Буянчик»... Ишь! А ты, Кузьма Буянович, расплачивайся. Ты хоть и домашнее животное, а хулиганишь. И к тому же мучаешься, кошечку тебе надо. Вот тебя и освободят сегодня от мучений. У нас в стране котов и кошек хватает, без твоего потомства обойдемся...»

* * *

Переулок Ремесленников и нужный номер дома Донцову пришлось поискать. В этом районе города Донцов никогда не был, местные и то не все знали, в какую сторону ему идти, невольно гоняли своими советами из стороны в сторону.

Наконец очередной совет привел его к явно складским, заброшенным или недостроенным сооружениям, возле которых не видно было людей, вообще какой-то жизни, только молчаливые каменные коробки большей частью без окон и дверей стояли как-то хаотично, не в ряд.

У одной из таких коробок, у ржавой двери скучал большой черный джип. Донцов туда и направился.

Через минуту он оказался в высоком мрачноватом помещении, под потолком которого сияли лампы дневного света, да шумел в стене, под окном, мощный вентилятор. Здесь же стояли и два линотипа — по всему было видно, что один из них был в разогретом, рабочем состоянии, и над его клавиатурой склонился мужчина лет сорока пяти, в рабочей синей спецовке. Он оглянулся на звук открывшейся двери, приветливо улыбнулся, во рту его блеснули ухоженные белые зубы.

— А! Донцов?.. Проходи. Мне звонили из соцзащиты.

Мужчина вытер руки чистой тряпичей, пожал ладонь своего визави.

— Володя... Ракитин.

— Здравствуйте, — вежливо отвечал Донцов. Начальству с самого начала надо оказывать знаки уважения.

— Долго искал?

— Да пришлось.

— Я и сам первый раз блукал. Но теперь ничего, «мерин» мой сам дорогу находит.

— А что это за сооружения? — Донцов окинул взглядом помещение.

— Да базы какие-то были при Советах, склады. И строительные, и металлообработка, и продовольственные. Потом все забросили, многое растащили... Я по дешевке тут многое купил. Как и эти линоотпечатки — их твой бывший шеф, Селезнев, на металлолом хотел сдать, а я успел перехватить. Ну, и кое-какие плоскоструйные машины, другое оборудование. Работать можно.

— Значит, с Селезневым вы обо мне говорили?

— Говорил. Он о тебе, кстати, отозвался хорошо. Сказал, мастер, каких поискать. Жаль, на компьютер не захотел переучиваться.

— Ну-ну.

— Ты много на линоотпечатке работал, Донцов?

— Считаю, всю жизнь. Сначала в газетном цехе, печатником, потом на линоотпечатке научился.

— Сам?

— Практически сам. Сначала, правда, Марина Кобзева мне азы показала, а потом уже самостоятельно.

— Молодец. Только набирать умеешь?

— Нет, что вы! Свой линоотпечаток ремонтировать никому не доверял... Кстати, вот этот он и есть! Ах, ты, мой родной! — Донцов погладил станину машины.

Ракитин одобрителем смотрел на нового своего рабочего.

— И это хорошо, Донцов. Раз ты мастер на все руки, я тебе за ремонт этих двух мамонтов приплачивать буду.

— Спасибо.

— Работа здесь не всегда с утра до ночи. По заказам трудимся. Я эти заказы организую, ты и бабенки — их там трое, верстальщицы, печатница (он кивнул в сторону соседнего помещения) — осуществляете заказы. Печать черная, одноцветная, на офсет пока не заработали.

Донцов кивал, слушал. Хозяин типографии вел себя просто, мысли свои выражал ясно, без всяких подтекстов и намеков.

— Володя, а чем вы руководите? Как фирма или типография называются? И про трудовую книжку хочу спросить — мне надо, чтоб по записи, стаж нужен для пенсии.

— Во-первых, — Ракитин положил руку на плечо Донцова, увлек его за собой, к замызганному столу, возле которого стояли простые деревянные скамьи; они сели, — у нас тут демократия, все меня называют по имени, и ты так называй — Володей. За трудовую не переживай: офис у меня, где вся документация, — на Кольцовской, напротив магазина «Электроника», знаешь?.. Ну вот. Там и бухгалтерия, и кадры, и девахи красивые. Ну, это, может быть, тебе уже и не нужно.

Донцов дернулся, но промолчал.

— А фирма наша называется «Протест». Здесь, в Придонске, — филиал. А голова в Москве.

— Против кого протестуете?

— А против всех, Донцов, — Володя легко, жизнерадостно засмеялся. — Настоящие патриоты России всегда в оппозиции. Раз есть власть, значит, должна быть и оппозиция. Как у нынешних правителей: коммунисты, жириновцы, эсеры, яблочники, прохоровцы... Кто там еще?

— Да Бог их знает, не помню.

Донцов, в самом деле, не мог больше никого назвать.

— Ну, Касьянов еще, Рыжков... — стал перебирать Ракитин. — Какая это партия, черт ее знает!.. Да ладно, когда надо им что-нибудь компрометирующее, они сами нас с тобой найдут... Непочатый край работы для политиков и для нас, несущих каждому из них компромат на недругов в печатном виде. Понял?

— Не совсем. Ты-то какой партии держишься?

— А никакой. Пусть они между собой грызутся, а мы будем керосинчику в огонь подливать. Мы с тобой, Донцов, предприниматели, бизнесмены. Наш бизнес — лбами их, политиков, сталкивать...

— Гм. Интересно. Но не совсем понятно.

— Ладно, потом разберешься, что к чему, — махнул Володя рукой. — А лучше не ломай голову. Дали тебе текст набрать — набирай! Бабенки сверстают, напечатают. Они у меня беспартийные, их только зарплата интересует. Бери с них пример, Донцов. Будешь жить спокойно и сытно. Семья есть?

— Жена, пенсионерка. И еще кот, Кузьма.

— А машина, дача?

— Дача была, продали. Невыгодно содержать, нерентабельно. А машины никогда не было. На автобусе на дачу ездили.

— Правильно. С машиной хлопот не оберешься... Я своего «мерина» с рук взял, с виду ничего, а повозиться с ремонтом пришлось.

— Значит, протестуем против всех, Володя?

— Ага. Будем биться до последнего.

— Последнее — это что? Смерть на баррикадах?

Ракитин снова засмеялся, смех у него вышел раскатистый, громкий, так смеются здоровые, обеспеченные и довольные жизнью люди, которым все ясно, что ждет их впереди и в каком направлении надо двигаться.

— Будем бороться, — сказал он уверенно. — Мы печатаем все, что для столицы требуется. Ну, и для местных оппозиционеров... Пока тебе знать все не надо, поймешь со временем сам, поработай. А для начала наberi покрупней вот этот текст, — и положил перед Донцовым листок...

— Понятно? — спросил Володя, пытливо глядя Донцову в лицо.

— Угу.

— Вот в таком духе... Будет и местный материал, к выборам в областную Думу, в мэрию... Про генералов, воров из ЖКХ, мигрантов-азиатов. Вот про геев и лесбиянок. — Он приподнял листок. — Но этих мы не трогаем — несчастные люди, у них крыша поехала. Пусть себе...

И Володя прибавил непечатное словцо.

Донцов сел за линотип, тронул клавиши, а Володя стоял рядом, смотрел. Работу линотиписта он явно знал, сразу понял, что перед ним ас своего дела, наблюдал с восхищением, как на приемную полочку линотипа рычаг то и дело укладывал горячие пластины отлитых строк.

— Супер, Донцов! — похвалил Ракитин. — С такой скоростью тебе романы набирать, за троих работаешь. Но нам такая скорость не нужна, не торопись. Будешь на окладе; так что, куда спешить? Главное, чтобы вот эти монстры, — он кивнул в сторону второго линотипа, — работали. Заказов будет много, машины должны быть исправными. Что еще? Вопросы есть?

— Нету.

— Хорошо. Мобильник имеется?

— Конечно.

— Дай номер... Ну, приступай. Вот несколько буклетов наберешь, рекламных листовок... Плакатик на две полосы. Колонки набирай по пять квадратов. Вот этот человек (Володя показал фотографию) в мэры города нацелился, надо поддержать, он хорошо нам заплатил. Человек, конечно, так себе, рыло у него в пуху, сидел, но те, кто сейчас у власти, такие же. Рыло у них даже не в пуху, а в перьях. И в дерьме.

— Если сидел, зачем его поддерживать?

— Лучшие кандидаты пока не подросли. Надо подождать, молодежь воспитать... Давай, Донцов, твою трудовую книжку и — вперед! За работу. Да!.. Буфета тут нету, имей в виду. Бабенки термоса с собой носят.

— И я завтра принесу.

— Хорошо. Да!.. Если кто-то из персонала типографии тебя агитировать начнет — за какую-то партию, или против меня — стукни. Я должен знать, чем дышит народ. Революции и всякие безобразия в России всегда с типографий начинались — грамотные тут люди. И печать у нас в руках...

— Понял, знаю.

— И я тебя понял. Голову на плечах имеешь. Коммунистом был?

— Был.

— Будешь у меня на подозрении.

— Почему?

— Ну... Могли тебе душу коммунизмом на всю жизнь отравить. Голова твоя должна быть свободна от любых партийных лозунгов и призывов.

— Мне бы доработать до шестидесяти, Володя, пенсию оформить. Не до лозунгов.

— Ладно, закрыли тему. С тобой все ясно. Жизнь покажет, что к чему. Но на пенсию не спеши. Выглядишь хорошо, работаешь отменно. Если все будет о'кей, через год могу начальником участка назначить. Со временем будем расширяться. Пока, я по делам поехал. Хочешь типографию посмотреть — походи, поглазей. Можешь с бабенками нашими познакомиться.

— Потом, ладно. Поработаю пока.

Кузьма встретил хозяина жалобным тоскующим взглядом круглых изумрудных глаз. Обычно при появлении Донцова он вскакивал с кресла, где обычно спал, подбегал к нему, терся об ногу, ластился; Донцов чесал ему за ушами, кот мурлыкал, выказывая этим свою благодарность, жмурился от удовольствия, и оба они в этот момент были счастливы и довольны друг другом.

Сейчас же Кузьма лишь вяло поднял голову, болезненно как-то зевнул и снова затих.

— Кузя! Ты что?

Донцов взял кота на руки — от него пахло больницей, тревогой.

Неужели Октябрина *сделала это*!

Супруга, как всегда, смотрела в зале телевизор.

— Не бесись, — спокойно, с ироничной усмешкой сказала она Донцову. — Цел твой кот. В последний момент передумала. Врач уже обработал нужное место. Но имей в виду...

Что надо было иметь в виду, Донцов не стал слушать.

По-прежнему держа Кузю на руках, ушел в свою комнату, говорил ему в самое ухо: «Ты держи себя в руках. Не шатайся по ночам, понял? Женщины, видишь, какие злые...»

«С меня причитается...»

Сказал — надо делать. У Ракитина Донцов работал уже вторую неделю.

Дина Ивановна, выслушав его звонок и предложение встретиться, охотно согласилась:

— А что?! Принимается. Только ни в какой ресторан я не пойду. Давайте воскресенье проведем на природе. Погода чудная стоит. Бабье лето в разгаре.

— Не возражаю.

— Тогда завтра, у памятника Славы. Прямо у Вечного огня встретимся. Я подъеду. В одиннадцать.

— Буду ждать.

Последние дни августа, в самом деле, стояли чудные. Тепла и солнца было сверх нормы. Не требовались еще ни зонты, ни осенняя обувь, ни даже легкие куртки. Донцов пошел налегке — в светлых брюках и голубой рубашке, которую любил. Наряд этот хорошо гармонировал с седыми его волосами и даже молодил, он знал об этом.

Перекинул через плечо ремень сумки, с которой ездил на работу, купил по дороге бутылку шампанского, минеральной воды, коробку конфет, палку твердой колбасы... Подумал, что с Диной они отправятся на турбазу, это недалеко, с полчаса езды на маршрутке, там и проведут день.

Октябрине сказал, что шеф, Ракитин, попросил его выйти на работу в выходной, есть срочный заказ. Она промолчала, никак, казалось, не прореагировала на его сообщение, но он понял, по глазам увидел, что она засомневалась, не поверила.

Ну и пусть. Донцов все еще обижался на супругу, не мог простить и ту памятную ночь, когда она прогнала его, и ее намерение изуродовать кота. И все же не это было главным — супруга *равнодушно* предоставила ему право вести себя, как Бог на душу положит. Мол, живи, как хочешь.

М-да... Вот с чем может встретиться мужчина в период дожидания.

И сколько это может продолжаться? Месяц, год? До гробовой доски?! Кошмар! И нервные расстройства. Словом, караул, братцы-лишенцы.

Уж кто-кто, а именно они, женолишенцы, должны его понять.

...Сумка оттягивала плечо, но Донцов шагал бодро: предвкушение встречи с молодой (в его понимании) женщиной вливало в его мышцы свежие силы. Имеет он право отдохнуть после трудовой недели? Имеет. Что может получиться из этой поездки — кто знает! Ну, выпьют они с Диной шампанского, посидят, потолкуют. Он, конечно, попытается ее приобнять и шепнуть на душистое ушко заветные слова, а как себя Дина поведет — вопрос. Может, разумеется, и отозваться, не будет противиться его рукам и откровенным намекам, а может и хлопнуть по этим самым рукам, возмутиться — чего это, мол, вы себе позволяете, Боян Мелитонович? Ну, и так далее, она найдет, что сказать, язык у Дины хорошо подвешен. Но зачем тогда она и глазки ему строила, и прижималась — вроде бы случайно, невзначай, но он же хорошо понял, что к чему.

Ладно, жизнь покажет, куда ветер подует, куда волну погонит. Главное, не спешить, не переборщить, но и своего не упустить.

...Дина Ивановна подкатила к Вечному огню на сверкающем никелированными частями мотоцикле. Донцов сразу и не признал ее, да и лица женщины почти не было видно за массивными очками. На голове ее был

пестро раскрашенный шлем, одета она в соответствующий гоночный костюм — на соревнование нацелилась дамочка, и все тут!

Дина остановилась у самых ног Донцова, он даже попятился от испуга, не наехала бы. В следующее мгновение она скинула шлем и белозубо рассмеялась, заметив и его испуг, и вообще реакцию на свое появление в таком виде.

— Буянчик, привет!

— Привет... привет.

Он действительно растерялся в первую эту минуту, думал же, что Дина приедет на рейсовом автобусе, они переседут на маршрутку и покажут в сторону турбазы, популярной у горожан, а она... Вот так явление!

— Ну, как тебе мой конь? — спросила Дина. — Нравится?

— Так ты... байкерша, что ли?

— Она самая. В летние месяцы и по выходным, как сегодня. Решила прокатить тебя.

— Гм... — Он обошел мотоцикл, осмотрел. Машина была еще та — с двумя цилиндрами, с радиатором, как у автомобиля, с двумя сверкающими выхлопными трубами, с удобными сидениями и даже квадратным пластмассовым багажником над задним колесом. А фары — тоже две штуки, большие, плоские, в темное время суток светили, надо думать, как прожекторы... Ну, еще и зеркала заднего вида. Полный комплект.

— Да-а, — протянул Донцов. — Класс! Сколько сил?

— О-о, не спрашивай! — Дина таяла от его похвалы. — Сейчас почувствуешь. Надевай шлем, садись. Прокачу с ветерком.

— Ты все же не очень, не гони, — попросил Донцов, надевая шлем и усаживаясь позади Дины.

Она кивнула, опустила на глаза защитные очки, пару раз крутанула ручку газа, и двухколесный монстр нетерпеливо заревел, дрожа всеми частями, а потом рванул с места, и они понеслись, обгоняя легковушки.

За городом Дина еще поддала «коню», пришпорила его на полную мощь, и теперь только ветер свистел в ушах, да мелькали встречные авто. Скорость была явно за сто, двух человек байк нес легко, играючи. Донцов опасливо ухватился за талию женщины, и мысленно (стеснялся крикнуть это вслух) просил: «Тише, тише...».

Скоро Дина свернула на окружную дорогу, мелькали теперь слева и справа дубы и сосны; потом они мчались по лесной широкой тропе и вдруг оказались на берегу реки.

Двигатель байка умолк, и сразу же на них обрушились первозданная тишина и воздух, которого в городе не почувствуешь — запах свежей речной воды, смешанный с ароматом хвои, он пьянил, рванувшись в легкие, приятно кружил голову.

Они сошли с мотоцикла, сняли шлемы.

— Динуль, ты же нас чуть не угробила! — Донцов все еще был во власти смасшедшего, как он считал, движения.

— Сумеешь тоже! — Она потрянула головой, засмеялась. — Это разве езда?! Я тебя как хрустальную вазу везла. Ты бы видел, как наши парни гоняют.

Он видел. Время от времени, переходя дорогу у памятника Славы, наблюдал, как тот или иной мотоциклист, едва миновав перекресток и сдерживающий светофор, со зверским ревом поднимал своего коня на дыбы и, пугая пассажиров на автобусной остановке, летел на одном колесе по широкому шоссе. Это было, конечно, эффектно, но мотоциклисту

смотрели вслед с сожалением: не иначе, помчался очередной участник ДТП, а то и кандидат на тот свет.

— А хорошо здесь, правда?

— Хорошо, — согласился Донцов.

Место тут, на берегу, было обжитым, уютным. В пяти шагах от них стоял вкопанный в землю стол, окруженный скамейками, к воде спускались ступени с поручнем, на прибрежной поляне поблескивали свежей синей краской урны для мусора. Летом, в жару, здесь было многолюдно, а сейчас — никого, никто Дине с Донцовым не мешал. Но все же именно это место ее не устроило, она предложила продвинуться вдоль берега, и они вручную покатали мотоцикл по еле заметной в траве тропинке.

Наконец выбрали довольно интимный, укрытый кустами уголок, Дина достала из багажника плед, раскинула его на траве.

— Ну вот, теперь можно отдыхать.

Донцов достал из сумки провиант, шампанское; Дина от вина откачалась, и Донцову отсоветовала пить — свалишься еще...

Он послушно кивнул — согласен.

— Ты бы хоть предупредила, что на байке приедешь, — пожурил он. — Я по-другому наш отдых представлял.

— Сюрприз хотела тебе сделать. — Дина пребывала в приподнятом настроении. — Да и самой прокатиться захотелось. Летом как-то мало удавалось ездить. Парни из нашего клуба в июле на юг укатили, к морю, а я не смогла, работала. А одной мотаться неинтересно.

— И давно ты с мотоциклом дружишь?

— Давно. Сначала на мопеде, в школе еще, гоняла, потом отец мотоцикл купил. Ну, а дальше я сама уже пристрастилась к таким вот машинам, — она похлопала ладонью по сидению мотоцикла. — У меня во дворе парни байками занимаются, меня позвали. Но теперь я мало езжу. Работа. Да и годков — слава Богу...

Они сидели рядом на пледе, попивали минералку, есть обоим не хотелось. Поверху, по верхушкам сосен, пробежал ветерок, сильнее запахло хвоей, поверхность реки покрылась нервной рябью, плеснула поблизости от берега крупная рыба.

— А в комсомоле ты чем занималась? — спросил Донцов.

— Была замзавотделом по организационной работе.

Дина прилегла на пледе, опершись на локоть, покусывала травинку, вспоминала: — Это рост рядов, уплата членских взносов, мероприятия районного и городского масштабов. Знаешь, Буянчик, интересно было. Какая-то у всех у нас идея была, цель... Не то, что теперь. При райкоме комсомола оперативный отряд действовал. Уличной преступности в нашем Ленинском районе почти не наблюдалось. Вечер, ночь, а мы — на грузовой машине или пешком, с красными повязками: улицы патрулировали, нарушителей задерживали, с милицией сотрудничали. Хулиганье нас знало, побаивалось. Мы карманы у задержанных проверяли — кастеты там, ножи. Думаю, много бед предотвратили.

— Нравилось тебе это?

— Нравилось. Видела, что пользу приносим. Чуть было в милицию не пошла работать. Но надо было иметь юридическое образование, а я в пединститут собралась. А потом и комсомольский возраст кончился.

Дина вздохнула, прощаясь со своими приятными воспоминаниями; Донцов слушал ее с интересом, прикидывая, что бы и самому рассказать такое важное из своей жизни, но кроме службы на Тихоокеанском фло-

те, где он отбарабанил три года на подводной лодке, пожалуй, и вспомнить нечего. Но что ей за интерес слушать бывшего матроса?! Да и рассказывать нужно уметь.

Он чувствовал себя несколько скованно, почему-то и разговор, и их общение не соскальзывали на нужную ему волну. Дина, судя по всему, говорить о своем прошлом, о работе в комсомоле и теперь, в управлении соцзащиты, могла сколько угодно, а ему надо было, чтобы речи уже стихли.

Для разведки Донцов осторожно обнял женщину, потянулся губами к ее губам, и Дина будто ждала этого решительного момента — ответила на его порыв со всей страстью.

Теперь они целовались, тесно прижавшись друг к другу, Донцов, смеясь, дал волю рукам, и Дина не противилась, наоборот. Он слышал ее прерывистое дыхание и жаркий, стыдливый шепот:

— Ничего же не получится, Буянчик. Слышишь?

— Что не получится? Почему? — он запутался в ее пуговицах и «молниях», пальцы соскальзывали, никак не могли найти нужные петли и крючки. — Ну что «ты»? Не бойся, все будет хорошо... Что ж это у тебя пуговички такие неподатливые...

— А ты не спеши... Они расстегнутся, когда надо будет.

— А ты им скомандуй... Они что у тебя — автоматические?

— Ага, автоматические... — Она прыснула от смеха.

За кустами раздался вдруг смех и совсем еще детский голос язвительно, с издевкой сказал:

— А че это вы тут делаете?

Донцов и Дина вскочили.

За кустами хихикали теперь два голоса — два пацана, подхватив велосипеды, злорадно и весело ухмыляясь, бросились прочь.

— Вот щенки! — досадливо и смущенно проговорил Донцов.

А Дина, опрокинувшись на спину, хохотала:

— Я же говорила, что ничего не получится, Буянчик. Как сердце чувствовало.

— Может, догоним да уши надерем? — предложил он.

— Да ну, скажешь тоже! — Дина поднялась, махнула рукой. — Они тут все тропки знают, а байку моему какая-никакая дорога нужна.

Обняла Донцова.

— Поехали ко мне, Буянчик? У меня однокомнатная, никто не мешает. Раз уж ты решился...

— Решился, — сказал он. — Поехали.

Снова сидел позади Дины, подтрунивал над собой, напевая на мотив известной морской песни:

Раскинулось море широко,
А якорь стремится ко дну.
Товарищ замыслил глубоко,
Но ветер погнал лишь волну...

Бывшему матросу Тихоокеанского флота ничего сейчас не оставалось, как подшучивать над собой. В такие неординарные моменты жизни ему почему-то на ум приходили рифмованные строки...

Примерно через час, купив по дороге бутылку водки, Донцов вслед за Диной входил в ее довольно скромное жилище. Но квартира выглядела заботливо-обжитой и даже нарядной. Наверное, нарядность ей прида-

вали красивые шторы на окнах, оригинальная люстра под потолком, ковры, большой плоский телевизор в углу, на тумбочке, и рядом с тумбочкой — пластмассовое ведро с каким-то пышным растением, названия которого Донцов не знал, а спросить постеснялся. Ухоженной выглядела и кухня — просторная, с явно новыми подвесными шкафами, электрической плитой, с полированным столом и стульями с высокими спинками вокруг него. И запах в квартире был приятный, свежий; Донцов тотчас сравнил его с воздухом в своей квартире, у них с Октей вечно пахло подгорелыми сковородками и сырыми простынями. Балкона у них не было, бельё она сушила на кухне.

— Ну вот! — Дина раскинула руки. — Тут я и живу.

— Нормально живешь, — ровно произнес Донцов. — Чистенько и аккуратно. Словом, морской порядок.

— Садись, я сейчас что-нибудь приготовлю.

Донцов кивнул, сам принял некоторое участие в сервировке стола, а потом они пригубили по чарке — за знакомство, за хороший день и за что-то еще, Донцов не запомнил тоста Дины. Она и здесь, дома, заметно нервничала, все прятала глаза, щеки ее с каждой рюмкой наливались румянцем.

«Хороша, хороша... — Он любовался женщиной. — Цветет и пахнет».

Еще с первых минут знакомства Донцов отметил, что Дина Ивановна любит поговорить, причем в назидательном, поучительном тоне; теперь он понял почему — перед ним сидела бывшая комсомольская активистка, а люди ушедшей этой профессии как раз и любили всех, кто помоложе, учить, наставлять и инструктировать. Она и сейчас, спросив Донцова о том, как его принял хозяин типографии, Ракитин, стала было подсказывать: мол, современные предприниматели возомнили себя хозяевами жизни, с ними лучше не спорить, а сопеть в две дырочки и помалкивать. Разумеется, Ракитин взял Донцова на работу за его высокую квалификацию, вряд ли бы он нанял кого-то учеником линотиписта, учить — себе дороже. И все же...

Донцов не спорил, соглашался, ловил момент в ее речи, которая лилась, как вода из крана, чтобы заняться тем делом, ради которого он сюда пришел. Но Дина спросила Донцова — выпытывал ли Ракитин его партийные наклонности и, выслушав ответ, хихикнула:

— Ну да, они, предприниматели, без этого не могут. Им лучше работник с головой, в которой бы ничего не было.

— Примерно так, — засмеялся Донцов. И рассказал Дине случай из собственной жизни: врач, просветив рентгеном его голову (на флотской службе еще было) заявил: «Донцов, в вашей стриженной башке я ничего не нашел... Пусто».

Посмеялась и Дина. Сказала:

— Вообще, простому работяге ни к чему с какой-либо партией знаться. Сиди себе, набирай тексты... Когда вот должность занимаешь, тут надо определяться. И при коммунистах партийность имела значение, и теперь. Я, наверное, в «Единую Россию» подавать буду. Глядишь, и заметят, продвинут... Скучно мне в этой соцзащите. Найти бы работу поинтереснее. Как думаешь, Буянчик?

Донцов притворно, по-кошачьи мурлыкал, гладил ее руку:

— Ну, Динуль, хватит, а? Все друг другу уже рассказали. Давай приятным делом займемся... А в партию к «едросам» подавай, конечно. Членство пригодится. Ты — молодая, время еще есть.

Она согласно и обрадованно тряхнула каштановой своей головой, порывисто вздохнула, прикрыла синие глаза: «Пойдем...»

Они перебрались на диван, Донцов крепко обнял Дину, стал целовать, а она горячо дышала ему в затылок. И снова говорила знакомые уже слова:

— Ничего же не получится, Буянчик. Я знаю...

Он, лаская ее, настраивал и себя, удивленно спрашивал:

— Почему, Динуля? Тут же нам никто не помешает, так?

— Да, так. Но... я не знаю, как сказать...

Теперь Донцов слушал и не слушал Дину. Соскучившись по женской ласке, он с каждой минутой становился смелее и настойчивее, двигался к своей цели уверенно и в то же время, не торопясь, растягивая прелюдию любовной игры. А Дина, задыхаясь от волнения, полностью уже отдавшись его рукам, все повторяла:

— Ничего не получится, Буянчик. Ты не поверишь, но это так. Не получится... Я девушка...

Он теперь совсем не слушал ее невнятный, пропадающий куда-то шепот, вел свою настойчивую партию, стремясь достичь парной ее гармонии, ощущая некое сопротивление, но с каждой секундой понимая, что это сопротивление вот-вот падет...

В этот момент у двери прихожей раздался резкий требовательный звонок. Дина, оттолкнув Донцова, взлетела над постелью, набросила на голое тело короткий халат, а он лихорадочно, с бьющимся сердцем, натягивал одежду.

Дина подбежала к двери.

— Кто здесь?

— Это я, Дина, открой!

— Мама! — испуганно проговорила вполголоса Дина, повернувшись к Донцову. — Одевайся быстрее.

А тот и так с пулеметной скоростью работал пальцами. Сколько же этих пуговиц на рубашке, черт бы их побрал!!

— Динка, слышишь?! Открой! Я знаю, что ты дома.

Мать, как они оба ни спешили, все же застала их полуодетыми. Седая, низкорослая, квадратного, можно сказать, телосложения женщина, с хмурым, озабоченным лицом и резкими движениями коротких рук, с порога закричала:

— Так я и знала! Я же тебе говорила: не води сюда никого!.. И что — помоложе мужика не могла найти? Этот дед мне в женихи годится!

— Мама! — сейчас же закричала и Дина. — Какое твое дело? Я его не к тебе домой привела! И я давно уже не ребенок! Ты помнишь, сколько мне лет?! Если ты меня будешь постоянно контролировать, то я никогда не выйду замуж и навсегда останусь девицей. Ты это понимаешь?

— Динка! — мать не сбавляла децибелы, грохотала: — Я помню, моя милая, что тебе за сорок, отлично помню. И ничего страшного не случится, если ты и останешься девственницей. Если в двадцать, даже в тридцать лет тебя никто не позвал в жены, то не надо из этого делать трагедию. Пусть! Я ведь живу одна с тех пор, как умер твой отец. И ничего, жива.

Без передышки и какого-либо перехода набросилась на Донцова:

— Сколько тебе годков, дедушка? Семьдесят стукнуло?

— Я молодой еще, мать. И шестидесяти нет.

— А седой весь?!

— Это от морской службы. Под водой три года находился, в экстремальных условиях. От акул еле спаслись...

— Женатый?

— Ну... есть такое. Пока.

— Вот! Вот! — снова завопила мать Дины. — А ты хоть спросила его об этом, распутница! Что сказал бы твой отец, царство ему небесное! Иван Николаевич Зубарев, бывший секретарь горкома партии, уважаемый человек! Вы только подумайте, что его дочь вытворяет. Опозорила всех — партию, комсомол!

— Что же это я вытворяю, мама? — Дина не знала, куда себя деть.

— А вот это самое! — Мать дернула полы ее халата. — Голая тут ходишь. Хоть он моряк, хоть кто! Замуж сначала выйди, а потом и ходи нагишом.

— Ты же мне постоянно мешаешь, следишь за мной.

— Я не специально, так получается. Пришла вот поведать тебя, а ты... Бесстыдница!.. Со стариком...

Мать отвернулась, заплакала. Вдруг резко переменила тон:

— Ты, моряк, жениться на Динке собираешься?

— Ну... мы еще сами на эту тему не говорили. Второй раз видимся. Дина мне с работой помогла, вот мы и того... Обмываем. Вы, мать, извините, я в таком тоне говорить не могу. Надо спокойно решать подобные вещи. Я пойду. До свидания, тещенька.

— Звать-то тебя как, зятек? Глядишь, еще увидимся.

— Боян Мелитонович.

— Как?! Грузин, что ли? Или турок? Какая у тебя нация? Ты откуда в наш город приехал?

— Мама, я тебе потом все объясню. Он русский.

— Ой, смотри, Динка! Не дай Бог, если он не наших кровей.

— Наших, наших.

...Ботинки Донцов завязывал уже на крыльце. К этой минуте он уже несколько успокоился, поправил сумку на плече, сказал с досадой:

— Погулял, мать твою в якорь. Что за день?! То шкодники эти в кустах, то теща незваная явилась.

Пошагал к автобусной остановке, а в голове шумели холодные воды Тихого океана:

А волны все стонут и плачут,
И бьются о борт корабля...

Эх! Остался якорь в клюзе.

Цусима, одним словом. Поражение за поражением кораблей русского военного флота.

* * *

...Шеф Володя послал Донцова в командировку, в Москву. Тайны из задания Ракитин не делал: надо было отвезти по московскому адресу свежеотпечатанные листовки с призывами удалить с поста президента страны. Для «Протеста» такой шаг был, конечно, рискованным. Полиция, а скорее ФСБ, кинутся искать типографию в столице, а она вон аж где, за пятьсот километров от нее!

Впрочем, могут типографию и не искать: в наше демократическое время всяких призывов о смене власти и конкретных правителей пруд

пруды, очерченной листок мало что может изменить, но говорят: «капля камень долбит» — видимо, на это руководство «Протеста» и рассчитывало.

Сумку с тщательно упакованными листовками Донцову уже подготовили, и Володя давал ему последние указания:

— С Павелецкого вокзала поедешь на метро, по кольцевой, до станции Таганская, перейдешь там на Марксистскую и поедешь до Новогирево. Потом автобусом... номер забыл, спросишь, какой идет до Свободного проспекта. Номер дома и подъезда запомни, записывать ничего не надо — мало ли! Если вдруг менты начнут в поезде шмонать, от сумки откажись, мол, не знаю чья, стояла тут, под лавкой.

— Прямо шпионское задание! — не удержался от возгласа Донцов.

— Ну, шпионское не шпионское, а сумка с листовками — компромат, конечно. Если уж не отвертеться от нее, начнут спрашивать, где взял, кому везешь, скажешь, что к поезду пришел какой-то парень, попросил довести до Москвы, там, на перроне, встретят.

— Понял.

Донцов невольно поежился: нанимался он сюда, в типографию, простым линотипистом, ни в какие политические игры не собирался ввязываться, а тут — пожалуйста, вези...

— Ты не дрейфь, — Ракидин заметил волнение на его лице. — Ничего с тобой не случится. Ездили уже наши барышни, возили. Передашь там, по адресу, с рук на руки и свободен. Денек поболтаешься в столице, обратный билет у тебя на ночной поезд, с того же Павелецкого вокзала.

— А кому сумку передать?

— Найдешь там, на Свободном проспекте, Гришу Столбова. Он знает, что ты приедешь, ждет.

— Ясно.

Донцов подхватил сумку (тяжелая, черт!), отправился на вокзал.

В Москве он не был уже много лет, пожалуй, с начала перестройки. Да, в девяносто третьем был! Сразу после событий у Белого дома, когда вокруг него, там и тут, громоздился хлам из бывших баррикад, а само здание Дома правительства позорно и печально выглядело в черном обгорелом одеянии.

Донцов походил тогда по Краснопресненской набережной и Баррикадной, по улице 1905 года, узнавая по телерепортажам заочно знакомые места, видел теперь воочию, где горели костры защитников новой России, где мог стоять Ельцин, лихо ломавший страну, где понуро-нужно дремали БТРы и БМП. Но танки, те, что палили по стенам Белого дома, они где находились?

Он спросил об этом прохожего, тот, углубленный в свои мысли, хмуро и занято махнул рукой — вон там, дескать; Донцов не понял жеста, а переспрашивать еще не стал. Понятно, что здесь где-то, недалеко. Скорее всего, на набережной.

Целью приезда Донцова в том, девяносто третьем, году была встреча с сослуживцем по флоту, он был торпедистом на их АПЛ (атомной подводной лодке). Прощаясь после службы, они с Витьком Задорожным обменялись адресами, звали друг друга в гости. Вот Донцов и приехал.

Однако встреча их не состоялась. Квартира Задорожного была на Дмитровском шоссе, у самой кольцевой дороги, Донцов довольно быстро нашел ее, но из-за железной двери никто не вышел, не отозвался. Быв-

ший торпедист, наверное, был на работе... И до самого вечера Донцову пришлось гулять по столице, сравнить ее с той, что видел раньше.

Раньше при подъезде к Москве в вагонах гремел бодрый марш, воспевающий столицу, пассажиров охватывало некое патриотическое волнение, а за окнами плыли уже высокий перрон вокзала, улыбочивые, ждущие лица встречающих, носильщики в белых фартуках, с номерными бляхами на груди и тележками — словом, приезжего встречал торжественный, радостный настрой главного города страны.

Теперь же все было проще, обыденней. За час до вокзала, а то и раньше, проводники торопливо закрывали туалеты, раздавали билеты, собирали деньги за чай; радио гремело каким-нибудь популярным шлягером, молчаливые, озабоченные своими мыслями пассажиры стояли в коридоре.

...Станция метро на Павелецком вокзале была здесь же, в самом здании, эскалатор быстро унес Донцова и сотни других граждан под землю, и через минуту-другую он уже летел в голубом вагоне в обжитом туннеле с бешеной скоростью.

Вагон был переполнен, многие нынешние «господа» стояли; стоял и Донцов, приткнув к ногам тяжелую сумку. Безделье поездки он разбавлял тем, что разглядывал лица попутчиков.

Много вопросов, много.

Растет напряжение во взаимоотношениях с мусульманским миром, со странами, где воспитывают будущих террористов... Да, теперь они есть и в нашей стране. Была Чечня с ее экстремистскими настроениями, с попытками жить отдельно от России, теперь Дагестан, где то и дело гремят взрывы, где убивают представителей власти и начальников разного ранга.

Осиные гнезда террористов обнаруживаются и здесь, в Москве, и в Подмосковье. Бандиты рядом. Ходят по одним с нами улицам, ездят в общественном транспорте. Взять хоть и эту поездку в метро. Никто ведь не может гарантировать ему, Донцову, простому работяге, гражданину России, что и он сам, и сотни едущих с ним людей благополучно достигнут конечной своей станции. Просто же предположить на фоне всего, что происходит в стране: вон та молодая чернобровая женщина, чеченка по виду или уроженка Дагестана, везет на своем теле пояс смертницы и в любой момент готова привести в действие взрывное устройство.

Как это сделал в московском аэропорту Домодедово террорист-смертник. Тридцать семь человек погибли, сто семьдесят ранены.

Жуть!

«Да ладно тебе, Донцов, — пожурил он себя. — Ты же бывший военный моряк, подводник, бывал в разных ситуациях, чего так разволновался? Поезд подходит уже к нужной станции, все живы-здоровы, никакого взрыва нет...»

Приехали...

Ну, и слава Богу!

Гриша Столбов, кому адресовалась сумка с листовками, оказался симпатичным молодым brunetом с короткой стрижкой и неизменной для москвичей трехнедельной бородкой на веселом лице. И отчего это они, столичные, повадились не бриться, отпускать растительность на щеках? Слов нет, некоторым мужчинам бородка идет, но если у тебя на лице просто щетина, и смотреть на это (особенно по телевизору, при крупном плане) неприятно? Неужели владелец запущенного лица этого не понимает?

Следить за своей внешностью Донцова приучил флот. Там все по ус-

таву: у матроса — короткая, нулевая стрижка, обязательное бритье два раза в неделю, гладкие щеки, чистая тельняшка и голубой форменный воротник. Офицерам разрешалось носить усы. Иным шло. На гражданке Донцов тоже попробовал пофорситься в «гусарских», но скоро усы сбрил — волосы лезли в рот. Да и Октябрина в свое время запротестовала: мол, ты не кот, Боня, зачем тебе усы? Кузя — это другое дело, он усами чувствует мышей. А тебе кого ловить? Я — вот она, рядом с тобой, не бегаю, в норку не прячусь.

Ну, Октя есть Октя. А вот Маринка из областной типографии, где Донцов трудился, усы его обожала и признавалась в минуты их фактического нежного соединения: «Усы твои, д'Артаньян (так она называла его с глазу на глаз, поскольку, по ее мнению, Донцов был похож на артиста Михаила Боярского в роли мушкетера), возбуждают меня со страшной силой». Может, врала, кто ее знает.

В прошлом все. Октя настояла, чтобы он усы сбрил. Вот. Пойми этих женщин.

— Ну, что там в вашем Придонске происходит? — спрашивал Столбов. — Как себя чувствует пипл?

— Пипл?

— Ну, это народ, по-английски.

— А!.. Народ хавает, — в тон несколько ироничному тону Столбова отвечал и Донцов. В памяти его не затерялось вульгарно произнесенное словечко, услышанное по телевизору, кажется, от юмориста Задорнова. — Хавает все, что Москва заботливо по ящику показывает: мордобой, секс, юмор ниже пояса. Особенно «Комеди клуб» по ТНТ. Да и от других каналов народу достается. Они же соревнуются между собой — кто пошлее покажет.

— В том-то и дело, товарищ! — Донцов заметил, что за все время разговора Столбов ни разу не назвал его ни по имени, ни по фамилии. — Власти выгодно, чтобы народ тупел, ублюдочно развлекался и не думал о тех же политических проблемах. А мы с вами, товарищ, должны думать, обяваны! Вы — передовой рабочий, вы в первых наших протестных рядах!

— Да я... недавно только...

— Это неважно! — перебил его Гриша. Он расхаживал по довольно просторному кабинету, на стене которого висел портрет какого-то мужика. — Главное, чтобы вы, низы, поняли, что дальше так жить нельзя, что нужно протестовать, выходить на демонстрации, где высказывали бы свое недовольство. И требовать, требовать смены власти! Вы говорить умеете?

— Я?

— Да, вы.

— Ну... я же разговариваю с вами.

— Это не то. Я имею в виду речи. Вы с трибуны перед народом говорили когда-нибудь?

— Нет.

— Это плохо. Надо учиться, товарищ! Учиться, учиться и учиться. Так советовал вождь большевиков Ленин. Слово иногда заменяет оружие. Впрочем, с большевиками нам не по пути. Они сыграли свою кровавую роль в истории нашей страны. И с коммунистами у нас теперь разные дороги. Нынешний их лидер, Зюганов, повторяет старые лозунги, они никого не воодушевляют. Жириновский — экстремист. Он всех неугодных хочет сослать в Сибирь, в холодные края, а родственников террористов пустить под расстрел. Тогда, по его мнению, с терроризмом будет по-

кончена. Мы же призываем протестовать — мягко и по закону. Нужно перевернуть сознание народа на сто восемьдесят градусов. Тогда произойдет самая демократичная революция. Олигархи будут низложены.

— Ничего из этого не выйдет, — возразил Донцов. — Они так просто власть не отдадут, мать их в якорь!

Столбов засмеялся.

— Хорошо как вы сказали, остроумно! Мать их в якорь, да? В смысле олигархов на дно истории?! Замечательно! Вы, наверное, матрос в прошлом, а? Я угадал?

— Угадал.

— Вот видите, какое сочетание в вашем лице: матрос и рабочий. Движущая сила любой революции. Вы там, у себя в городе, организуйте рабочие дружины, хорошо бы привлечь в них и бывших матросов. Учитесь выступать перед ними, зажигать глаголом их сердца, вести за собой людей. Кстати, вы сегодня можете поучиться этому искусству на одном московском митинге в Любавино. Поезжайте туда к часу дня, увидите «Русский марш» патриотов России. Послушайте, что и как говорят, как москвичи меняют жизнь страны. Есть чему поучиться провинции.

— Да вы и так вечно бузу устраиваете, — хмыкнул Донцов. — То в Петербурге, то здесь, в столице.

Столбов изменился в лице. В карих его глазах вспыхнули огоньки непримиримости.

— Это не буза, дорогой товарищ! Это — революционные действия. Да, я согласен, власть олигархии так просто не отдадут. Но нам с вами надо набраться терпения и мужества. И веры в будущее! — Гриша говорил на повышенных тонах, вдохновенно. — И заботы о миллионах наших сограждан, об их светлом будущем. Такой я вижу роль нашего патриотического объединения «Протест»! Митинги, речи, смена режима... Лолита! — не оборачиваясь, по-прежнему сурово глядя на Донцова, крикнул Столбов, и из открытой двери смежной комнаты через паузу появилась длинноногая, в короткой юбочке девушка.

— Слушаю, Григорий Матвеевич, — сказала она, недовольно поджав ярко крашенные губы, тоном человека, которого оторвали от очень важного дела.

— Чаю нам с товарищем, — приказал Григорий. — С лимоном.

— Чай уже остыл, чайник сломался, а починить некому, — девушка покачивала ногой, с интересом рассматривала свои ногти. — Вадик с утра в Любавино поехал.

— Вот приходится нам, революционерам, мириться с мелочами быта, — вздохнул Гриша. — Иди, Лолита. Неси нам холодный чай.

«Революционерка» Лолита ушла, покачивая пышными бедрами, Донцов заметил, каким взглядом провожал ее Григорий свет Матвеевич, подумал: «У них тут народ тоже сексуально озабоченный. Это хорошо. Значит, москвичи будут плодиться и размножаться. Дело «революции» в надежных руках. И в длинных ногах тоже».

— А это кто? — спросил Донцов, кивая на стенной портрет.

— Вы не знаете, кто это такой? — изумился Столбов. — Это же знаменитый Петр Кропоткин, князь, русский революционер, теоретик анархизма! Как вы можете не знать такую личность?

— Ну, не знал вот. Теперь буду знать. Так вы что — анархисты?

— Нет, зачем?! — Гриша дернул плечом. — Мы не все берем из учения Кропоткина, а только соответствующее текущему моменту. Мне не-

когда сейчас читать вам лекцию об анархизме или анархо-синдикализме, вы дома найдите нужную литературу, почитайте...

Они похлебали холодного чаю, Столбов велел передать Ракитину слова благодарности за листовки, сказал, что скоро будет новый заказ, на этот раз о мигрантах. Еще раз посоветовал Донцову съездить в Любавино, передал сотрудникам типографии «рэволюционный» привет, и на том они расстались.

Уже в двери Донцов услышал голубиное, воркующее:

— Лола, зайди!.. Лолита! Слышишь?

— Иду-у... — пропелось в ответ.

* * *

Времени до поезда было предостаточно, можно сходить в кино, побродить по московским магазинам (надо что-то привезти Октябрине, а теперь еще и Динуле), до митинга в Любавино есть еще часа полтора, и Донцов решил пройтись по центру столицы, посмотреть на ее улицы, а по пути и в магазины заглянуть.

Из метро он вышел на Пушкинской, не спеша шел по Тверской, бывшей Горького, разглядывал вывески и витрины. Было около одиннадцати, осенний октябрьский день здесь, в Москве, стоял светлым и теплым, и солнца небо посылало с избытком, казалось бы, живи и радуйся. Но душа гражданина Донцова отчего-то грустила. Может быть, оттого что глаза его то и дело натывались на вывески с иностранными буквами, часто слышалась незнакомая, чужая речь... Было ощущение странного, чужого города.

Медленно, плотно, дымя и изредка сигнала, двигались в обе стороны Тверской сотни, тысячи автомобилей. Шум их работающих двигателей слился в общий, низкий, непрерывный гул — он висел над улицей, заглушал все иные звуки, действовал на уши, вообще на сознание, упорно и безжалостно. Хотелось уйти от этого давящего гула, перебраться на какую-нибудь другую улицу, потише, поспокойнее, где можно было бы просто идти, наблюдать жизнь Москвы, наслаждаться ее красотами.

Увы. Тверская — тоже часть жизни столицы.

— Мужчина! — расслышал Донцов; обернулся. К нему приближался прилично одетый парень, располагающе улыбаясь ему.

— Я вижу, вы гость Москвы? — сказал он, держа в руках объемистую сумку, в которых «челноки»-торговцы возят свои товары.

— Как догадался? — Донцов был настроен благодушно.

— О, у меня глаз наметанный! — парень продолжал улыбаться. — Москвичи вывески не разглядывают, передвигаются по тротуарам быстро.

— Ну-ну, наблюдательный. Чем обязан?

— Да это я обязан, чтобы у вас о Москве осталась какая-нибудь память. Вот, к примеру.

Парень поставил на тротуарную скамейку полосатую свою сумку, вжикнул «молнией», и глазам Донцова представилась целая коллекция забавных резиновых игрушек в ней: Путин сделан под ушастого Чебурашку, Зюганов — под крокодила Гену, Сталин и вовсе под старуху Шапокляк, Ленин — под лысую куклу-неваляшку...

— Ух, ты! — вырвалось невольно у Донцова. — Надо же!

— Берите. Любые. Бесплатно, — предложил парень, запахивая на

груды коротковатую для него куртку. — Весело, интересно... Бесплатно, — повторил он.

Донцов, помедлив, взял Путина. Раз уж у него тема поездки была связана с именем президента страны, пусть будет и памятная эта смешная кукла. Подарит Октябрине. Или Дине; там, дома, решит.

Он сунул игрушку в пустую сумку (в ту самую, в которой привозил в Москву листовки), улыбаясь, пошел восвояси. Надо же, москвичи ничего не боятся — вон как правителей изображают!

— Боря, лох в вашу сторону, — Донцов эти слова расслышал, на ходу повернул голову — парень с сумкой говорил с кем-то по мобильнику. — В серой куртке, седой.

Слова эти, безусловно, относились к нему, Донцову. Значит, впереди, по ходу движения, его ждали. Зачем?

Донцов усмехнулся, резко изменил направление, обогнул памятник Юрию Долгорукому, вышел на параллельную Тверской улицу и пошел назад, к Пушкинской и кинотеатру «Россия».

Думал, довольный собой: «Нашел лоха! Три года на подводной лодке человек отслужил. По два с половиной месяца на дне возле Америки лежали, шестнадцать боевых ракет на борту. Шутка сказать!.. Силища какая. Дернулись бы они, янки, со своими «Пэтриотами»... А мы уже тут, у них под боком. Только бы пух от их Вашингтона полетел. И Нью-Йорку бы досталось...»

Он шел уже мимо «России», снова поглядывая на вывески — где бы перекусить? От холодного чая, что пили они с «рэволюционэром» Гришей толку, разумеется, было мало, надо съесть что-нибудь посущественнее, быть на ногах предстояло целый день.

Увидел на стеклянной двери нарисованную чашку кофе, свернул, было, к кафешке, но вдруг девушка, стоящая на углу дома, замахала ему рукой, закричала:

— Мужчина! Мужчина! Помогите!

Донцов двинулся на зов, в две-три секунды оказался рядом с этой девушкой, а она, умоляюще показывая на другую девушку, которая сидела на корточках и морщилась от боли, выпалила:

— Прошу вас, дайте телефон! Мне надо позвонить... Видите, подруге плохо.

— Что с ней?

— Не знаю. Прошу вас!

Донцов отдал свой дорогой мобильник, девушка защелкала крашеным ногтем по его панели: «Алло!.. Это «скорая»?.. Прошу вас приехать... Да, возле кинотеатра «Россия», тут еще кафе есть... Номер дома? Сейчас я, секунду!..»

Девушка стала удаляться, разглядывая номера домов, а Донцова тронул за плечо некий молодой гражданин:

— О, сэр, прошу меня очень простить... Куда мне поворачивать, что-бы это... Попасть Петровка?

Москву Донцов знал плохо, стал вертеть головой — Петровка, помнится, была где-то рядом, сказал, наконец: «Кажется, вон туда, за угол...»

Когда он повернулся, девушек — и «больной», и с его мобильником — не было. Их и след простыл. Да и «иностранец» куда-то делся.

Бывший матрос с тайного подводного атомохода России скрипнул зубами — понял: кинули!

Поискал глазами милицию-полицию: вон стоит на той стороне улицы красавец с полосатой палочкой в руке. Можно подойти, пожаловаться, так, мол, и так. И что получишь в ответ? В лучшем случае совет обратиться в отделение, там примут заявление, рассмотрят, может быть, и начнут искать тех девиц. А в худшем — просто посочувствуют при вежливых словах...

Тьфу, мать вашу в якорь!

Расстроенный Донцов побрел к станции метро, тут, на Пушкинской, он ориентировался, в какую сторону идти.

Зло подсмеивался над собой: вот она, родная столица! Встретила, обласкала, приютила... Обвели вокруг пальца, как какого-нибудь школьника. Детектив с тремя действующими лицами. Нет, с четырьмя: лох, две девицы, «иностранец». Одна же шайка, как он сразу этого не понял?!

В метро Донцов доехал до станции Любавино, вышел на поверхность московской благоустроенной земли, огляделся. Кругом новенькие дома, многоэтажки, длинные просторные улицы, множество машин (но меньше, чем на Тверской), занятые, спешащие люди.

Один из «любавинских» жителей явно никуда не спешил — сидел на скамейке и читал газету. У него Донцов и спросил: «Где тут у вас митинг должен быть?»

Пожилой, грузный человек снял с переносицы очки, отложил газету, иронично произнес, глянув на Донцова:

— Маршировать собрался?

— Не понял.

— О «Русском марше» спрашиваешь?

— Ну да, о нем. Пригласили поучаствовать, а я в вашем районе впервые, да и в Москве нечасто бываю.

Мужчина встряхнул газету, свернул ее вчетверо.

— Наверное, на проспекте 40-летия Октября. Или возле торгового центра «Москва». А, может, и не там. Я лично не хожу. И тебе не советую.

— Почему?

— Глупости все это. Молодых идиотов кто-то накручивает, вот они и маршируют. А нам с тобой чего бузить? Мы жизнь прожили, седые оба. Пенсию получаешь?

— Пока нет, работаю.

— Ну, все равно, скоро будешь получать. А с олигархами чего воевать? Власть они не отдадут, не надейся. Антанту помнишь?.. Ну вот. Западу есть что терять... Или ты за Сталина? — Мужчина надел очки, смотрел на Донцова через толстые стекла пытливо и с некоторой насто-роженностью.

— Я пока сам за себя, — отвечал тот нейтрально. — Разбираюсь.

— Ну-ну, разбирайся. И не опоздай, — мужчина снова уткнулся в газету. Донцов отошел от него, обратился на этот раз к парню со свернутым транспарантом в руках.

— Двигай за мной, папаша, — сказал тот. — Я как раз туда.

...Скоро они с парнем влились в разношерстную колонну демонстрантов, которая пестрой змеей вытянулась вдоль проспекта. В колонне преобладала молодежь двадцати-тридцати лет. Впереди несли транспарант «Русский марш», плакаты с самыми разными призывами, портреты незнакомого Донцову людей.

Дошли до какого-то высотного здания; на бортовую «газель» забрались несколько человек — надо думать, организаторы и вдохновители этого марша (среди них одна девушка); начался митинг.

Громкоговоритель был сейчас в руках бородатого, в красном берете мужчины, который с ходу навалился на власть и ее политику.

Рядом стояли омовцы, экипированные на сражение, не иначе: в шлемах с забралами, с дубинками и щитами, в тяжелых ботинках на толстой подошве. Стояли пока смирно, начальник их (на фоне рослых омовцев он выделялся тем, что был в форменной фуражке с задранной вверх тульей) внимательно вслушивался в речи и время от времени что-то негромко говорил в рацию, висящую у него на груди.

Оратору дружно и горячо аплодировали, и он, довольный своей зажигательной речью, передал громкоговоритель другому оратору — низкорослому человеку в кожанке, с абсолютно лысой, сверкающей на солнце головой.

— Русские люди — демократичные по своей сути, мы всегда, будучи в составе Советского Союза, помогали другим нациям, подавали пример заботы и дружеского, я бы сказал, братского отношения к другим народам. И мы собираемся продолжать эту миролюбивую политику.

Народ снова зааплодировал, засвистел.

— Исламисты объединились с террористами и ведут открытое наступление на наши права, на нашу исконно русскую землю! — бесновалась теперь у громкоговорителя белокурая девушка. Громкоговоритель держал у ее рта предыдущий лысый оратор, и девушка имела возможность не только кричать лозунги, но и активно жестикулировать руками. — Нам, женщинам и девушкам, страшно жить в Москве, да, думаю, и в других городах тоже. А где наша власть, полиция? Вот они, перед вами! Видите, как вооружились — щиты, дубинки, каски! Что нас ждет, если мы не станем протестовать, если не объединимся? Нам нужна власть истинно народная, которая бы защищала нас, наши права, наши устремления — жить достойно, в социальном равноправии.

ОМОН зашевелился, чувствуя, что градус «народной любви» стал подниматься, подполковник полиции в фуражке отдавал уже какие-то команды, омовцы выстроились в линию и стали теснить митингующих, выкрикивая: «Разойдись!.. Кому говорят — разойдись!»

Из толпы в омовцев полетели камни и бутылки. И это была высшая точка терпения представителей власти. Теперь их не удержать.

Тот самый парень, что привел Донцова сюда, на этот митинг, оказался вдруг рядом; сейчас он держал в руках плакат с изображением Путина. Толкнул Донцова в бок:

— Слышь, земля, поддержи-ка... Ботинок развязался.

Донцов машинально мотнул головой, взял плакат; внимание его занято было дракой у «газели»: омовцы сталкивали с машины ораторов, а те сопротивлялись, пустили в ход кулаки; белокурая девушка, визжа, дралась отчаянно и смело.

Парень, присевший над ботинком, исчез, Донцов растерянно поискал его глазами в толпе — да где там! Вокруг волновалась, билась с омовцами гуща народа, Донцова толкали со всех сторон, а он не знал сейчас, что делать.

На него надвигался, мощно работая дубинкой направо и налево, гигант-омовец. Со стороны, глядя на него, можно было восхититься его работой: некий русский богатырь, Илья Муромец или Добрыня Никитич,

право слово! Махнет дубинкой вправо — дюжина молодых на земле лежит, махнет влево — еще столько же наутек бросаются. Разве что не на коне белогривом, Сивке, да без копья. А так — ну, одно наслаждение наблюдать за работой богатыря, честное слово! Вот это защитник власти, вот это вдохновенный труд! И в голову бывшему матросу не пришло, что «защитник», раскидывая людей, обращая их в бегство, прет прямо на него, как удав на кролика.

Уже совсем рядом видел Донцов глаза Ильи Муромца: в них только приказ и безжалостное, старательное его выполнение. Донцов растерялся, всей кожей почувствовал опасность; не знал, что предпринять в следующее мгновение, подумал, что надо бы объясниться с этим богатырем — мол, я тут, на митинге, случайно, и плакат какой-то парень сунул мне в руки только что, но омоновец мысли нарушителей порядка читать не умел, перед ним была боевая задача — нейтрализовать активных зачинщиков марша, а этот седой, в серой тряпочной куртке мужик с плакатом против главы государства и был тем самым зачинщиком...

Мощный удар пришелся Донцову по лицу, он сразу почувствовал, как вспухла скула; следующие удары пришлись по спине и ногам, а потом его подхватили два омоновца в черных блестящих касках и поволокли в автобус.

Илья Муромец крикнул им вслед:

— Давыдов, плакат подбери. Это у него было, вещдок!

Автобус быстро наполнился задержанными. Донцов, держа в одной руке свою сумку, а в другой плакат с Путиным (так ему велели), потирал предплечьем скулу. Вот это вляпался, мать твою в якорь! Доказывай теперь, что ты не верблюд — то есть не организатор митинга, не подстрекатель, не активист.

В мрачноватом, плохо освещенном кабинете отдела полиции Донцова допрашивал угрюмый, с усталым и злым лицом, капитан. Он внимательно просмотрел его паспорт, хмыкнул, прочитав имя-отчество, переспросил:

— Боян Мелитонович, так?

— Да.

— Гм. Имечко тоже!.. Из Придонска?

— Оттуда.

— А сюда, в Москву, зачем приперся?

— Да... понимаете, товарищ капитан...

— Товарищи там, с Советами, остались. Отвечай по существу.

— Я случайно здесь, так получилось, господин начальник. (Не дай Бог сказать капитану о листовках для Гриши Столбова! Это все: Лефортово!) Приехал я к другу, проведать. Мы с ним на Тихоокеанском флоте в свое время служили, на подводной лодке...

— Адрес! — мгновенно потребовал капитан и взялся за шариковую ручку.

— Чей? — не понял Донцов.

— Друга твоего. Проверим.

Донцов назвал. Капитан стал тыкать в кнопки телефона, сказал глухо: «Настена, пробей адресок... Виктор Николаевич Задорожный, возраст — около шестидесяти, живет где-то на Дмитровском шоссе... Хорошо, жду».

Выслушав звонившую, уронил Донцову:

— Ну, есть такой москвич. И что? Ехал бы к нему.

— Да он в больнице! Я бы поехал.

— В кино бы пошел, раз так, в музей какой-нибудь. А ты плакат в руки, и главу государства давай позорить... Ты знаешь, Донцов, что тебе светит? — капитан взял с края стола Уголовный кодекс РФ. — Вот статья 280: публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя.

— Я не призывал. Я просто стоял и смотрел. У меня в руках случайно оказался этот плакат. Парень... у него шнурки развязались на ботинке, он говорит: «На, подержи...» А сам смылся.

Капитан засмеялся.

— Чего ты под дурака косишь, Донцов? Или действительно дурак?.. Парня этого адрес знаешь? Говори. Мы *его* за задницу возьмем.

— Да я его видел один раз, какой адрес?!

— Тогда ты будешь отвечать за беспорядки в общественном месте, за оскорбление главы государства и нападение на омоновцев. А также по статье 282: «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». «Черные» на твоём плакате — это кто? Это наши бывшие братья по Союзу, кое-кто, конечно, живет в Москве незаконно, и мы, и миграционная служба ведем с такими людьми борьбу. Но бунтовать и призывать...

— Я не бунтовал, я просто решил посмотреть, а тут парень со своими шнурками.

— Ты, матрос Тихоокеанского флота! — неожиданно заорал капитан. — Прекрати комедию ломать! «Просто шел?!» Семнадцатый год прошлого века вспомнил, Октябрьскую революцию, да?! «Аврору»? Чтобы на Зимний или на Кремль броситься? А пока приехал потренироваться сюда, в Москву... И чего ты, седой дурак, полез не в свое дело? Ну, с молодыми понятно: кулаки чешутся, красные флаги у коммунистов таскают, слушают деда Зюганова. Но ты-то, ты?!

— А что я? — Донцов не совсем понимал, куда капитан клонит.

Капитан закурил, мотал рукой, пока спичка не погасла. Сквозь дымок сигареты вприщур смотрел на задержанного.

— Вот ты, Донцов, простой работяга, как я понял. Родился и вырос при советской власти. И уважаешь советских начальников, так?

— Не всех. Горбачева и Ельцина не уважаю, они развалили нашу страну, — Донцов хорошо, разумеется, чувствовал иронию и лукавство в словах капитана полиции.

— Хорошо, согласен. Ты думаешь, мы тут, в полиции, безмозглые, не понимаем что к чему? Понимаем. Просто отношения у нас в стране сейчас несколько иные, рыночные. Кто умеет работать — пусть и получает, пусть и миллионы. Что тут такого? Весь мир сейчас по этому пути идет. Даже Китай взял курс на рынок. А там коммунисты правят, не кто-нибудь.

— При чем тут Китай, — Донцов пожал плечами.

— Телевизор надо смотреть, газеты читать... А ты... бунтовать. Кто эти бунты организует, ты когда-нибудь задавал себе этот вопрос?.. Анархисты и бездельники, которые хотят жить на халяву... А! Что тебе объяснять, если сам не понимаешь. — Капитан махнул рукой, крикнул в закрытую дверь: — Негробов! Зайди!

Вошел Илья Муромец, стал в проеме.

— Как он себя вел? — капитан кивком головы показал на Донцова.

— Ну... в целом ничего. Плакат нес с Путиным.

Омоновец ждал направления разговора — какое именно придаст ему капитан, что надо подтвердить?

— Ты далеко от него стоял, Негробов?

— Нет. И плаката у него сначала не было. А потом появился. Может, он внизу его держал, у ног, я не знаю.

— Понятно. Значит, не врет. Вот что, Алексей, проводи-ка его помягче, пусть чешет в свой Придонск.

— Понял!

Капитан отдал Донцову паспорт, Илья Муромец вывел его на крыльцо отдела, отвесил под зад массивным своим ботинком, и несостоявшийся московский демонстрант Боян свет Мелитонович покатился с этого самого крыльца — напрямик в родной Придонск.

* * *

— Бог ты мой! Боня! — с ужасом в голосе воскликнула Октябрина, увидев огромный фингал на лице мужа. — Что случилось? Кто тебя так?

— Любимая столица встретила. Точнее, проводила.

Он с кислым видом смотрел на нее одним глазом, второй заплыл окончательно, хотя в поезде Донцов и примачивал его холодной водой.

— Но все же, что случилось? Рассказывай!

Донцов рассказал, как было дело.

— Дурак ты, — спокойно сказала Октябрина. — Какие черти понесли тебя на этот митинг?

— Да сам не знаю, — мямлил Боня. — Посоветовали.

Она захлопотала возле его глаза: промыла чаем, нашла в кухонной тумбочке какие-то капли, закапала, глаз скоро приоткрылся.

— А Любавино это показывали по телевизору, я смотрела. И еще подумала: не дай Бог ты там окажешься. И как в воду смотрела!

— Ну... М-м... — мычал Донцов. — Говорю же, посоветовали. И даже очень настойчиво.

— А если б тебе с крыши прыгать посоветовали?

— Октя, что ты несешь? — Донцов старательно теперь обдумывал, как ему сообщить жене, что у него выдурили дорогой телефон. Она же обязательно спросит, когда завтра станет звонить ему на работу. Что отвечать? «Дураком» она, разумеется, снова его назовет, но что... Может, не говорить? Или придумать чего-нибудь поубедительнее? В самом деле, круглым идиотом надо быть, чтобы и мобильник потерять, и с побитой рожей домой приехать.

«Ладно, потом что-нибудь придумаю, — решил он. — Завтра».

Вдруг вспомнил, что собирался купить жене и Дине подарки, но подумал об этом только в поезде, когда опустил ушибленный Ильей Муромцем зад на полку плацкартного вагона. Да и злобный этот капитан полиции, что допрашивал, затолкал ему голову угрозами и статьями Уголовного кодекса.

Вот, гады! Память напрочь отшибли. Хорошо, хоть Илья Муромец лишнего не накрутил, сказал честно. А то бы...

А жене надо было что-то привезти, надо. Раньше он и привозил-то духи в оригинальном флаконе, то коробку московских конфет в красивой коробке... Однажды купил ей кофейный набор: кофейник с гнутым каким-то носиком и чашечки с блюдцами. Чашечки были маленькие, игрушечные, как из них пить непонятно, один глоток помещался, не больше. Но выглядел набор симпатично, можно было им полюбоваться.

Октябрина сказала «спасибо», повертела чашки, поставила их в сервант. Там кофейный набор до сих пор и стоит.

Кроме как куклу, дарить было нечего — ложка хороша к обеду. Донцов и вынул ее из сумки, с некоторым напряжением наблюдая за реакцией жены.

Октя улыбнулась, увидев Чебурашку с лицом Путина.

— А знаешь, он мне нравится. Владимир Владимирович здесь симпатичный, похож на себя. И глаза его, и улыбка. Художнику удалось передать его лукавый взгляд. Путин, вообще, человек сложный. Да ему и надо быть таким. Простачкам наверху делать нечего. Это мы с тобой можем быть попроще, какой с нас спрос?

— Ну... вообще-то, и мы должны голову на плечах иметь. Кое-что и от нас зависит. Особенно, когда голосовать зовут.

— Да, конечно. Тут каждый голос на счету.

Октябрина поставила игрушку в зале, на телевизор, Путин теперь смотрел на них оттуда, его «лукавый взгляд» преследовал Донцова в любой точке комнаты. Это свойство — следить за зрителем — присуще плоским, рисованным портретам, Донцов давно это заметил. Оказывается, и объемная вещьца также может «поворачивать» глаза.

Октябрина снова глянула на оплывшую скулу мужа, спросила сочувственно:

— И как же все-таки тебя угораздило?

Они сидели сейчас рядышком на диване, Донцову было неохота снова повторять рассказ, он лишь вздохнул: «Скажи спасибо, что хоть так все обошлось. А то бы возила мне в московское СИЗО передачи».

— Правильно, что в бутылку не полез, — согласилась она. — Ты, Боня, в политику не лезь, не твое это дело. Взяли тебя в типографию, сиди, набирай строчки. Живи потихоньку.

— Да как «потихоньку»? — не сдержался Донцов, повысил голос. — Не откажешься же, если шеф в командировку посылает?! А если бы у меня в Москве сумку обыскали, а там прокламации: «Долой Путина!» А?.. А в офисе «Протеста» этого предводитель, Гриша Столбов, советы дает: «Включайся в активную борьбу с властью, ты — бывший матрос, ныне рабочий, создавайте там у себя, в Придонске, дружины, выходите на улицы, бастуйте...»

— А ты не выходи, не бастуй. Там, в Москве, и без нас с тобой разберутся. Они же как действуют: призывают, а сами в кусты. А ты, дурак, под дубинки полицейских лезешь. Глаз-то вон опять закрылся... Дай-ка я водичкой его холодной...

Вернулась из кухни с мокрым холодным полотенцем, приложила его к лицу Бони. Сказала мирно:

— Нам с тобой какая разница...

Донцов покачал головой:

— Нет, Октя, определяться все равно надо. Как перекаати-подем жить? Мы же не дети, взрослые люди. Понимаем, что за народную власть надо бороться.

— Ну вот, ты поборолся. Отлупили тебя, глаз подбили, чуть в тюрягу не угодил. Мало, да? Еще добавят. Тебя что — в какую-то партию тянет?

— Меня к справедливости тянет, Октя. Пенсии маленькие, квартплата растет. Как жить?

— Ничего, проживем, — легко сказала Октябрина. Судя по всему, она не разделяла глобальных переживаний мужа.

Поманила его рукой:

— Иди сюда, что-то покажу.

Открыла дверь кладовки, зажгла там свет. С подстилки на полу поднялись две кошачьи мордочки — Кузи и Муськи, со второго этажа.

— Вот, жену Кузьма привел, — хохотнула она. — Открываю вчера дверь, а они сидят, голубчики, на площадке, смотрят на меня. Муська с животом, видишь? Пошла к Галине Петровне, спрашиваю: «Вы кошку свою нам под дверь принесли?» Она говорит: «Нет, они сами... Муська — жена вашего Кузьмы, в положении сейчас, вот и принимайте, раз алименты на котят не хотите платить».

Донцов присел на корточки, погладил Кузю, потом Муську. Вот, значит, как Октябрина решила проблему — на него повесила.

Кузя смотрел на Донцова сонными изумрудными глазами, зевнул, потянулся. На белой его мордочке было блаженство: хорошо с женой-то, хозяин, хорошо-о...

В книжном шкафу Донцов взял энциклопедический словарь, отыскал нужную ему статью о Петре Кропоткине, углубился в чтение.

Подтвердилось: бывший русский князь, революционер (умер в 1921 году) был крупнейшим теоретиком анархизма; хотя и водил знакомство с Лениным, твердо стоял на своих позициях, боролся за их внедрение в бурную, противоречивую жизнь России конца девятнадцатого века и начала двадцатого. А позиции эти были следующими: уничтожение всякой власти, стихийные бунты масс, неплановое производство промышленной и сельскохозяйственной продукции и обмен этой продукцией между рабочими и крестьянами.

Странный этот Столбов из «Протеста»: неужели он не понимает, что на такой платформе далеко не уедешь? Как это без государственной власти, единой, жесткой руки? Как управлять в таком случае громадной Россией? Не нужны армия, полиция? А кто будет реагировать на «стихийные выступления масс»? Кто будет договариваться с множеством существующих в России партий: единороссы, ЛДПР, эсеры, коммунисты, яблочники... кто там еще? И еще теперь анархисты. И все тянут страну в разные стороны, как в известной басне Крылова «Лебедь, рак и щука».

Можно так?

Нет, конечно. И количество партий надо бы сократить (как у американцев — две), и рука у президента должна быть твердой, как у товарища... Сталина, конечно.

Ну вот, мысли опять съехали к Сталину. О котором, кстати, тоскуют в России многие, прежде всего коммунисты и пожилые люди. Да и молодые интересуются: а как оно было при генералиссимусе?.. Но второго Сталина не будет больше никогда. Другие времена, другие люди, другие отношения между ними. Демократия, убеждения, свобода слова.

Так что же тогда получается? Сейчас к кому приткнуться? Он, Донцов, при советской власти в партии состоял, верил в коммунистические идеалы, работать старался. Партию предали, растоптали, опозорили. А миллионы коммунистов просто промолчали. В том числе и он, Донцов. Забрал у секретаря партийной организации учетную карточку, положил в нее партбилет, и на том все кончилось...

Для себя Донцов вывел из вольных размышлений, что в любой стране время от времени (30–50 лет) назревает недовольство народа существующей властью, новое поколение начинает мыслить по-новому, по-друго-

му видит перспективы, берется за революции, за переустройство мира. Кого в этом винить? В обществе назревает критическая масса этого недовольства, быстро находят лидеры, которые возглавляют поход против действующих правителей, призывают, организуют, действуют...

В девяносто первом году прошлого столетия это случилось в России, волна бунтов прокатилась практически по всем республикам бывшего СССР, волнения не утихают и по сей день, в том числе и в России. А как народу не волноваться?

Вот новые хозяева жизни выкинули его, Донцова, на улицу за два года до пенсии. Живи как знаешь. А куда ему было идти с такой отжившей теперь специальностью — линотипист?

Спасибо соцзащите — устроили на работу.

Тут же подумав о Дине Ивановне, живо представив ее облик и жаркие объятия, Донцов приободрился. Надо ей завтра позвонить, договориться о встрече. И найти какой-нибудь угол, где им бы никто не помешал.

«Моряк я, в конце концов, или не моряк, мать твою в якорь? — спросил он себя, укладываясь спать. — Надо добиваться поставленной цели». И позавидовал Кузьме: тот сладко посапывал в кладовке рядом с женой.

* * *

Не успела забыться в стране история с жуткими взрывами в Волгограде, которые устроили там дагестанские террористы-смертники, как в Придонске одна из газет напечатала портреты и имена сразу трех, готовых к самоподрыву смертниц все из того же Дагестана. Газета сообщала, что «...эти женщины могут появиться и в нашем городе, поэтому, уважаемые придончане, будьте бдительны...»

«Вот и к нам приехало это «счастье», — хмурясь, думал Донцов, разглядывая на фотографиях лица женщин. — И чего им надо? Кавказ вроде бы успокоился, Чечня занялась трудом и благоустройством своей республики, можно сказать, процветает. Теперь Дагестан... Сколько это будет продолжаться? Почему власть не может потрывать руки организаторам этих терактов? И как вообще дальше жить?»

Он сказал о своих мыслях жене, Октябрина пожалала плечами, посоветовала:

— Меньше думай об этом, Боня. Так с ума можно сойти. От судьбы, конечно, не спрячешься, но... Увидишь, если входит в автобус женщина в хиджабе, ты выйди. И в полицию еще можно позвонить.

— Ага, если успею, — пробурчал он.

Донцов заканчивал завтракать, собираясь на работу, поглядывал на кошок, дружно лакающих из одного блюдечка молоко в углу кухни. Живот у Муськи был боольшим, обвислым; наевшись и облизав усы, она пошла в кладовку, легла отдыхать. «Штук пять там у нее котят, не меньше, — прикинул Донцов. — И куда их потом девать? Придется, видно, ехать на Птичий рынок, там котят просто раздают всем желающим».

— Ты повнимательней будь, — уже в коридоре наставляла Октябрина Васильевна мужа. — По сторонам посматривай, на пассажиров: кто вошел, кто вышел. Кто, может, сумку «забыл» — сразу водителю скажи. И ближе к двери держись.

— Спасибо за советы, — он кивнул ей уже с лестничной площадки. —

Надежней, разумеется, пешком ходить. Полтора часа в одну сторону, на Левый берег, столько же на обратную дорогу.

Октябрина промолчала.

Щелкнул дверной замок. Жена оставалась дома в безопасности. Хотя как сказать — утром по телевизору показали разрушенный в Подмоскowie девятиэтажный дом: в одной из квартир на восьмом этаже взорвался газ, кто-то чего-то там ремонтировал... Погибли люди.

Женщину сбил на пешеходном переходе пьяный водила «Лексуса». Стоит возле своего авто, двух слов связать не может.

В райцентре пропал первоклассник — вышел после уроков из школы и... испарился. Весь город на ушах, ищут.

Не жизнь, а сплошное напряжение.

* * *

Ракитин, выслушав Донцова о его московских приключениях и сочувственно поглядывая на подбитый глаз, сказал:

— Ну, плакат с Путиным ты, конечно, зря взял. Парень тот просто подставил тебя, сообразительней оказался. И вообще: я же велел тебе не светиться, даже сумку с нашей продукцией разрешил бросить в случае чего, а ты на митинг поперся. Залез бы еще на «газель», речь толкнул. Гришка посоветовал?

— Он.

— Вот. Они, москвичи, поумней нас. «Вперед, ребята! Круши!..» А сами в кусты. Знают, как себя вести. И юристы у них грамотные, адвокаты... Мы лохи, по большому счету. Но и сидеть, сложа руки, нельзя — бизнес, деньги надо делать.

— Володь, ты больше не посылай меня с такими заданиями.

Ракитин внимательно посмотрел на Донцова, встал, плотнее прикрыл дверь своего крохотного кабинета с одним замызганным однотумбовым столом и несколькими потертыми стульями. На стенах висело множество портретов совершенно разных людей: Ленина, Сталина, Брежнева, Андропова, Горбачева, Фиделя Кастро, Ельцина... Были тут и Зюганов с Жириновским.

В кабинете теперь стало потише, шум работающего оборудования снизился, говорить можно было нормальным голосом. Шеф напористо внулшал:

— Донцов! Я, разумеется, ценю тебя как специалиста высокой квалификации. Линотипист ты классный, и машины содержишь в идеальном состоянии. Но ты еще и сознательным гражданином должен быть. Вот скажи мне: те тексты, что набираешь, ты с ними согласен?

— В целом согласен, правильно пишете.

— Хорошо. А в деталях, выходит, не согласен?..

Донцов сел, разговор явно затягивался. Сказал:

— Володя, ты меня на мелочах не лови. Я во всем должен разобраться, понять. У меня винегрет в голове, мешанина. Вот Григорий Матвеевич этот, Столбов: у него на стене, в Москве, портрет висит. Я спрашиваю: Гриша, это кто? Он говорит: Кропоткин, русский революционер. Приезжаю домой, беру словарь, читаю: «П.А. Кропоткин...» Ну, там годы жизни и прочее... Дальше: «Князь, теоретик анархизма...» Спрашивается, зачем нам с тобой с Гришей якшаться, если он анархисту поклоняется?

Ракитин не торопился с ответом. Выслушал чей-то звонок по мобильнику, посидел, потирая высокий лоб.

— Донцов, я тебе говорил при первой нашей встрече, и сейчас повторяю: мы — бизнесмены, я содержу эту маленькую типографию, живу на заказах. Наша забота — печатная продукция, за которую хорошо платят. Единороссы, жириновцы, коммунисты, анархисты... Мы рискуем только тем, что можем попасть в поле зрения полиции или там ФСБ. Потому что они на стороне правящей партии, а оппозиционеров терпят по указке сверху. Но призыва «Долой нынешнюю власть!» не потерпят, это противоречит Конституции, за это можно загреметь в тюрьму. Поэтому нужно приспосабливаться, лавировать — митинговать, доказывать... Человеку на митинге проще: он сказал, а ветер его слова унес. У нас продукция, документ. Прочитал, подшил в дело — улика против меня, Ракитина, и против тебя, Донцов.

— Ельцин не доказывал ничего, и не убеждал. Посадил гэкачепистов в «Матросскую тишину» — и весь сказ. Все кончилось.

— Потому что гэкачеписты трусили. Янаев, Крючков, Язов... В их руках были армия, госбезопасность, власть. Взяли бы и посадили того же Ельцина и Шушкевича с Кравчуком, тоже бы все кончилось. КГБ — боевой отряд партии — помнишь? А на деле что получилось: тьфу и растереть. Сидели, закрывшись, на своей Лубянке, из окон молчком наблюдали, как ломали памятник Дзержинскому.

— Нам проще сейчас рассуждать, Володь, — несмело возразил Донцов. — А как еще ты повел себя на их мосте? Риск же был громадный.

— И Ельцин рисковал, да еще как! Но пошел же на баррикады! Честь ему в таком случае и хвала.

Ракитин помолчал.

— Нынешняя оппозиция умнее, осторожнее. Критикуют, митинги организуют, но на Голгофу никто не лезет. Жизнь-то, она одна... Котел, конечно, разогревается, недовольные властью были всегда — и при царях, и при Советах, и сейчас. И власть чего-то делает, стремится пар из котла выпустить... То, что ты, Донцов, не хочешь к моим заказчикам ездить... Знаешь, прямо тебе скажу: я тебя проверял. Хочу работать с единомышленниками. Знать, что меня не сдадут, не донесут куда следует.

Донцов изменился в лице.

— Володь, а я хочу, чтобы у меня в голове винегрета не было. С анархистами мне не по пути, я за твердую государственную власть, иначе пропадем. Коммунисты в лице Горбачева и Ельцина себя скомпрометировали, Жириновский мне не по душе, единороссы — тоже. Через день мэров сажают... С кем идти? Какую-то новую партию надо создавать. Например, «Партия боевых пенсионеров».

Ракитин вздохнул, поднялся.

— Донцов, какая-то партия пенсионеров есть. Или была... Давай пока отложим этот разговор. Работать надо. Пошли... Кстати, набери вот это.

И, взяв со стола, подал Донцову несколько листков, написанных от руки.

* * *

В городской Думе, среди депутатского корпуса, образовалась брешь — вылетели из его состава сразу три народных избранника: один проворовался, попался на махинациях с квартирами; другой практически тоже запустил руку в городскую казну, устроил себе с женой бесплатную поезд-

ку в Париж; а третья дама-депутат взяла кругленькую сумму с предпринимателя за обещание помочь в приобретении земельного участка в центре города. Предприниматель этот, не будь дураком, обратился то ли в ФСБ, то ли в УМВД, а тех ребят хлебом не корми, дай только ухватить мздоимца за лапы...

Обо всем этом сообщали местные газеты, которые Донцов читал регулярно, был в курсе городских дел. Читала и Октябрина Васильевна, комментируя события однозначно: «Да по ним, по всем этим депутатам, тюрьма плачет. Разве такое при советской власти могло быть? Расстреливать надо, публично, на площади Ленина. И показывать по телевидению. Вон как в Китае. Или в Северной Корее — казнили родного дядю руководителя страны...»

...Усевшись за линотип, Донцов решил сначала прочитать листки, это было его правилом. И смысл уяснишь, и поправки можно внести, во всяком случае, исправить грамматические ошибки.

В тексте шла речь о Дине Ивановне Зубаревой, заведомо районного комитета по социальной защите населения.

Для Донцова это был сюрприз.

Он внимательно прочитал то, что было написано о Дине: родилась в Воронежской области, в семье сельских жителей, окончила пединститут, работала в комсомоле... Ну, и необходимые в таких пропагандистско-агитационных делах хвалебные слова — опытный организатор, отзывчивый человек, надежный товарищ.

— Та-ак, Динуля, понятно. В депутаты, значит, нацелилась? Молодец.

Донцов набрал текст шрифтом, которым ему разметили рукопись, отнес горячие строки верстальщице, смешливой общительной Вере; посмотрел там у нее клише Дины, убедился, что это именно она, «е г о Динуля». Сидя уже за другой работой, ломал голову: во-первых, как ей позвонить (телефона-то не было, придется купить сегодня какой-то подешевле); во-вторых, что сказать? Как теперь вести себя с Диной — кандидат же в слуги народа. Захочет ли она сохранить с ним прежние отношения?

...После работы Донцов купил в одном из салонов сотовой связи аппарат, позвонил Дине. Та ответила сдержанно:

— Привет! Что не звонишь?

— Да проблемы с аппаратом были. Запиши мой новый номер.

— Ага, записала.

— Какие у тебя новости?

— Ой, есть новости, есть! Но не по телефону, ладно? Я тебе перезвоню.

Позвонила она через несколько дней, в конце рабочей недели, говорила в телефон несколько приглушенным, осторожным голосом.

— Буянчик, это я. Слушай, давай в субботу, часов в одиннадцать... Где? У меня нельзя, мать снова может прийти, у нее просто чутье. Есть гостиница на девятом километре, «Спутник». Знаешь? Вот. Я там заказала номер. Сможешь?

— Смогу. Скажу супруге, что работаю.

— Все поняла. Целую...

Со всеми предосторожностями Донцов добрался в субботу до гостиницы. Жене объявил, что вызвали в типографию, собрал даже «тормозок», термос с горячим чаем и бутерброды, почесал за ушами Кузю, подмигнул ему, и кот, показалось, мигнул в ответ.

До гостиницы он не доехал одну остановку, вышел из полупустого автобуса, огляделся, нахлобучил на самые глаза кожаную свою фуражку, поднял воротник куртки и двинулся вперед.

День был типично осенний: серый, хмурый, сочившийся мелким нудным дождем.

Ничего, это улица. В номере гостиницы, надо думать, тепло и уютно. Они с Динулькой выпьют коньячку (плоскую большую бутылку он купил по дороге), совсем немного поговорят, а там... Он даже на ходу потянулся, ощутив в теле негу и нетерпение. Фантазия легко и красочно нарисовала ему постельные сцены.

Интересно, скажет она ему, что подалась в депутаты гордумы?

Может и не сказать, а он подождет, сделает вид, что ничего не знает.

Вот он сам, Боян Донцов, как бы повел себя, окажись в ранге чиновника или народного избранника?

Да, интересный вопрос.

Он обернулся, проверяя, нет ли за ним хвоста (от Окти всего можно ожидать): он — в дверь, она — следом, куда пошел?

Нет, позади супруга не просматривается. Можно идти спокойно.

...Администратор гостиницы — в годах уже женщина, в очках и форменной куртке — показалась Донцову знакомой.

Нет, ее он не знает. Просто женщина похожа на кого-то, так бывает, есть ведь и двойники.

— Здравуйте, — сказал он. В глаза женщине не смотрит, кепка по-прежнему надвинута.

— Слушаю вас. — Женщина на его приветствие не ответила.

— Я в триста первый номер...

— А-а... Паспорт, пожалуйста, — молча, записала в журнал данные, кивнула: — Проходите.

Донцов тоже мотнул головой в знак благодарности за вежливое обслуживание, пошагал вверх по лестничным маршам, а администраторша, спрятав улыбку, сказала себе под нос: «Не узнал сосед, не узнал. Ну и хорошо».

Какое-то время она колебалась — звонить Октябрине Васильевне или не звонить? Муж-то ее подкобеливает.

...Дина ждала Донцова с накрытым уже столом. Правда, особых изысков на нем не было, но самое необходимое для веселого времяпрепровождения имелось: бутылка шампанского, крупный виноград, горкой лежащий на блюде, груши и яблоки, нарезанная ветчина, открытая банка шпрот, коробка конфет.

Донцов прибавил к столу свою бутылку, не говоря ни слова, стал целовать женщину — ароматно пахнущую, с новой, какой-то гладкой прической (каштановые ее волосы переливались в свете гостиничной люстры); в красном шикарном платье, которое он не видел, с кружевным воротником и белой длинной ниткой жемчуга на груди. Дина очень хороша была в этом наряде, и явно хотела, чтобы он подольше любовался ею.

Она поняла и оценила его восхищенный взгляд, припала к нему на время, может быть, и большее, чем того требовалось для первого объятия, но, чувствуя его волнение, загорелась и сама.

Головы, однако, не потеряла, не хотела спешить, помогла Донцову снять куртку, повесила ее на вешалку у двери, говорила:

— Не спеши, Буянчик, разденься.

Он буркнул в ответ: «Да-да, конечно...» Но в следующую секунду,

перевыисто дыша, стал снимать с нее жемчуг, расстегнул воротник платья.

Она снова стала просить его:

— погоди, Буянчик, успокойся. Давай сначала поговорим, есть о чем. И дверь, дверь закрой! — добавила она со смехом.

Дина сидела за столом, жестом гостеприимной, приветливой хозяйки предложила:

— Давай, разливай. Поухаживай за дамой.

Он открыл и коньяк, и шампанское; они начали с коньяка, Дина тоже захотела, чтобы мужчина ее побыстрее захмелел, потерял бы голову, стал бы говорить всякую любовную чушь, которую женщинам так приятно слышать.

А он и так уже рассматривал Дину откровенно похотливым взглядом, держал руку на ее упругом, скользком от колготок колене.

— Буянчик! Ну, я же сказала: не спеши, — Дина капризно надула крашенные губы. — У меня столько новостей! И ты почему не рассказываешь? Как съездил в Москву, кто тебе «фонарь» под глазом поставил? Жена?

— Скажешь тоже! — нервно дернулся Донцов. И что за женская эта порода: заводить посторонний разговор в самый ответственный момент свидания?! Надо увести Дину от дурацких этих вопросов, не время! Видно, что и она все больше расслабляется, получает удовольствие от его объятий и прикосновений, но по-прежнему держит его пальцы у края платья, хотя — видно же! — что дается ей это с трудом.

На ее вопрос о фингале, он сказал, что так вышло, напали хулиганы, когда вечером он понес мусорное ведро и стал защищать девушку, к которой приставали.

— Бедненький! — Дина бережно поцеловала его «фонарь». — Больно? Черт возьми! Да сколько можно отвлекаться?! Хватит болтать!

Но Дина, судя по всему, еще не высказалась, или сама не дошла до нужной кондиции.

— Ты послушай, Буянчик, послушай! — Щеки ее горели уже алым цветом, и рот приоткрылся, и дыхание сбивчивое, но нужно вот сказать женщине самое важное. — Я тебе говорила — у меня никогда не было мужчины, я не знаю, почему так получилось... И ты мой первый. Я сразу обратила на тебя внимание, когда ты пришел к нам в комитет. То, что ты старше... это меня несколько не пугает, наоборот. Значит, ты опытный. И страстный, я это чувствую... Ты мне нужен, очень нужен.

— И ты мне, — Донцов целовал ее в горящие губы.

— Меня в городскую Думу зовут, депутатом хотят сделать, — она неожиданно переменяла тему.

— А чего вдруг? — Донцов все-таки достиг прогресса в раздевании. — И тебе кто-то помогает?

— Ну да, сам спикер, Колыванов. Мы с ним в комсомоле работали, в райкоме. Он у нас первым секретарем был, потом наверх пошел, в обком комсомола. И там со временем стал первым. Потом в облисполкоме оказался, потом...

— Потом суп с котом, — Донцов терял уже терпение. Но посмеивался, держал марку внимательного ухажера и снимал вещицу за вещицей.

— Ой, Буянчик, ты даже не представляешь, как мне захотелось стать депутатом! — Дина не помогала ему разоблачать себя: было так приятно, когда это делал мужчина! — Когда Колыванов позвонил, у меня сердце чуть из груди не выскочило. Я же так люблю общественную работу! Это

совсем не то, что в комитете по защите... Старика с утра до ночи, пенсии, стаж работы... Ты извини, что я так о вас...

— Да ладно, ничего. Я не обижаюсь. Мне ты помогла.

— Но это ведь ты! — сказала она со значением. — Я в тебя сразу влюбилась как кошка.

Другой человек на месте Донцова тут же вспомнил бы семейную кошачью историю, как Кузя привел беременную жену в их дом, как Октябрина приютила их... Ну, и все такое прочее. Но Донцов вышел уже на финишную прямую, Дина сидела на постели в одной короткой сорочке и осталась самое малое...

Но она вдруг отставила бокал с шампанским, откинула со лба волосы, спросила строго:

— Буянчик, а ты... надежный человек?

— В каком смысле?

— Ну... не болтун? Я же теперь... сам понимаешь.

Донцов даже вскочил от такого подозрения. Ходил полуголый у кровати, говорил с пафосом и легкой обидой:

— Да я... Я — подводный моряк, Дина Ивановна! Я на самой секретной лодке ходил, мы у Америки месяцами на дне лежали, слушали капиталистов. Разве я не понимаю, что ты, если станешь депутатом... Да я — могила!

— Ой, про могилу не надо, Буянчик, — Дина прилегла, картинно закинув за плечо руки и не обращая уже внимания на заголившиеся бедра. — Депутатство... это мечта! Такие возможности открываются! Хорошие деньги получать буду, квартиру сменю, машину куплю. Сколько можно на байке этом ездить?! БМВ возьму, или лучше «мерседес». Черный... Нет, белый. Красавец! Ух, и прокачу тогда тебя! И за границу мы с тобой съездим, в Египет, или лучше на Мальдивы. Ты не бывал на Мальдивах?

— Нет. Я вообще за границей не был.

Донцов снял с Дины и сорочку, любовался теперь ее ладным телом, гладил грудь. Малость остудил ее мечты:

— Ты, Динуля, не спеши с проектами. Депутатом надо еще стать.

— Да буду, буду, — уверенно сказала она. — Если уж сам Колыванов взялся за дело... Он слов на ветер не бросает. Он меня и в партию, в «Единую Россию», порекомендовал. Сказал, что депутат должен быть в партии... Ой, Буянчик, что ты... что ты делаешь? Так приятно!.. Где ты этому научился?.. А партия, сам понимаешь... Я... Я же в комсомоле была, знаю, что партийность — это рост, карьера...

Она наконец замолчала, страстно впиалась крашеными губами в губы Донцова, а он приступил к самому ответственному моменту... И ни он, ни, конечно, Дина не знали о том, что администраторша гостиницы, соседка Донцовых по дому, подняла-таки трубку телефона и сказала не своим голосом: «Октябрина Васильевна?... Это ваш друг говорит. Если хотите знать, где ваш муж и чем он сейчас занимается, приезжайте в гостиницу «Спутник». Номер триста один...»

И вот в тот самый момент, когда Дина Ивановна Зубарева, будущий депутат городской Думы, полностью отдалась в руки бывшего подводного моряка Донцова и решительно настроила себя на прощание с затянувшейся девственностью, в дверь номера 301 резко, по-хозяйски постучали.

— Да мать же твою в якорь! — выругался Донцов, спрыгивая с широкой деревянной кровати. — Сколько это будет продолжаться?! Кого еще черти принесли?

— Боян, открой!.. Это я, Октябрина.

Голос у супруги хоть и грозный, но ровный, спокойный.

Кое-как одевшись, Донцов открыл дверь.

Октябрина Васильевна шагнула в номер — большая, сильная, уверенная в себе женщина. И в лице ее не дрогнул ни один мускул, когда она увидела и полуголого мужа, и перепуганную женщину, прикрывшуюся в постели смятой простыней. Произнесла четко:

— Ну вот, это то, что я хотела увидеть. Продолжайте!

И — ушла.

* * *

Судья, небольшого росточка, с приветливым лицом женщина в обычной одежде (не в мантии, как собирался увидеть ее Донцов), полистала их заявления, спросила:

— Ну, что это вы, Донцовы? На старости лет надумали. Сколько прожили вместе?

— Тридцать два года, — в пол произнесла Октябрина Васильевна.

— Да, именно, — мотнул седой головой и Боян Мелитонович.

— Дети есть?

— Нету. Не дал Бог.

— М-да-а... Молодые разводятся, это еще можно понять. Год-два прожили и — горшок об горшок. Но вы-то?.. Что случилось, Октябрина Васильевна?

— Он мне изменяет.

— Подтверждаете? — спросила судья у Донцова.

— Был грех, да. Но только один раз. Октябрина Васильевна отказалась выполнять свои супружеские обязанности. Поэтому я и сиганул... налево. Да и то...

— М-да-а... — снова тягуче повторила судья. Помолчала, еще раз прочитала их заявления. — Желание развестись обоюдное, детей нет, люди вы взрослые, знаете, что делаете... Давайте так поступим: подумайте, а через два месяца приходите. Тогда все и решим.

— Да чего тут думать, Людмила Георгиевна? — вспыхнула Октябрина. — Я его в гостинице с другой женщиной застала.

— Октябрина Васильевна, — спокойно произнесла судья. — Я же сказала: через два месяца. Идите.

Донцовы вышли на крыльцо здания, где на первом этаже размещался районный суд. Постояли, прячась под козырьком от снега с дождем. Погодка соответствовала, ничего не скажешь.

Идти им предстояло в одном направлении, в один дом, в одну и ту же квартиру.

— Может, ты до развода поживешь где-нибудь? — спросила она, глядя в вечернюю, плохо освещенную улицу.

— Где же это я поживу? — нервно спросил он. — Квартира у нас общая.

— А у твоей пассии? Ты ее разве не любишь?

— Мы мало еще знакомы. Месяца четыре, наверное.

— А в постель с ней лег.

— Не было ничего, Октя! — с душевным надрывом, глухо выдавил он из себя. — Просто... разговаривали. А этого... не было.

— Разговаривали они! — Октябрина развернула над собой зонтик. —

Она голяком лежала, это я своими глазами видела. И ты... Да что тут воду в ступе толочь?! Пошла я.

И Октябрина Васильевна зашагала по мокрому и скользкому тротуару, то и дело осклизаясь, в душе надеясь, что ее муж — пусть и бывший! — возьмет под руку — он же мужчина!

Но мужчина понуро брел сзади, тоже осклизаясь и балансируя руками. Мокрый снег сыпался ему за шиворот, и кепку свою он забыл надеть, и теперь повинная, седая его голова скоро стала мокрой и одинокой в этом вечернем, холодном городе.

Эх, Боня, Боня! Вон в какую сторону якорь-то твой закинуло!

Донцов не дошел до троллейбусной остановки, повернул в другую сторону. Побродил по вечерним улицам. В какой-то забегаловке, в подвале, принял на грудь.

Ну что — к Дине ехать? Но она же сказала: мама может помешать. Сорок с хвостиком лет бабе, а она все «мама, мама»... Тьфу!

Домой, Боня, иди, домой. Больше некуда.

* * *

Частной типографии Владимира Ракитина напряженная политическая ситуация, нарастающая межэтническая неприязнь, вся эта «мутная водица» была только на руку. Возросли московские заказы того же «Протеста» (люди от Гриши Столбова приезжали теперь раз-другой в неделю), появились и новые заказчики, листовки-плакаты-буклеты-газеты упакованными пачками громоздились в подсобных помещениях, но они здесь не залеживались...

Донцов в Москву больше не ездил, но у него появилась новая обязанность: контактировать в самом Придонске с руководителями, как оказалось, постоянно действующих общественных организаций «Русского марша» и «Независимой России». Общение это сводилось, по сути, к регулярным встречам, утверждению текстов печатной продукции да к постоянным политическим спорам. Если вдохновитель местного «Русского марша» господин Никульшин имел четкое представление о том, что и когда должна делать его организация, то другой господин, Мохначев, лидер «Независимой России», «плавал» в своих убеждениях. На вопрос Донцова: «От кого Россия должна быть независимой?» Мохначев, круглый телом, низкорослый мужичок лет сорока пяти, отвечал после затянувшегося раздумья: «Думаю, от всех. Потому мы и называемся «независимыми». — «От всех народов?» — наседал Донцов. «Да». — «А как же татары, башкиры, удмурты, буряты, эвенки, с которыми Россия живет столетия?» — «Если они будут уважать и признавать нас, как ведущую нацию, пусть остаются...»

Все это была чистейшая демагогия.

Донцов понимал одно: государство удержится только в том случае, если Президент страны и правительство проявят политическую волю по сохранению России.

Что же касается мигрантов, хлынувших в страну из Средней Азии, выход тут он видел один: визовый режим въезда, четко прописанные законы на этот счет, жесткий контроль пребывания гостей на территории России со стороны федеральной миграционной службы и полиции.

Америк Донцов, конечно, не открывал, но все же никак не мог понять главного: почему так обострились отношения между представителями народов России? Жили ведь в СССР, как говорилось, одной дружной

семьей, уважали друг друга, вместе воевали, защищая Родину от фашистов... Неужели москвич Гриша Столбов, или эти местные деятели «Русского марша» и «Независимой России» своими подстрекательскими листовками изменили мир?

Да ну, вряд ли. И самому Донцову понятно, что над этими людьми есть кто-то с тугим кошельком, люто ненавидящий Россию, желающий ей краха, смерти.

Но кто это?

Газеты левого, социалистического толка, отвечают: Запад, Америка.

Пресса правящей партии России утверждает: во всех бедах страны виновата оппозиция, коммунистическое прошлое и коррупция.

...Поразмышляв над прочитанным, Донцов спустился с неба на землю, взялся за привычные свои типографские дела — набирал лежащие перед ним тексты, стараясь не принимать близко к сердцу их тезисы и выводы. Но это плохо у него получалось — тексты все же царапали душу, привлекали внимание, заставляли думать. Каждый автор и маленькой заметки, и новой листовки, и той же двухполосной газеты с оппозиционными призывами был по-своему прав. С авторами можно было не соглашаться, спорить, но они высказывали свою точку зрения на проблемы страны, на способ их решения. И они умели убеждать словом, умели!

Мысленно Донцов ругал себя за такую позицию — становиться на сторону того, кто говорил более убедительно. Но он знал: слово — это одно, а действие — другое. Действие сразу ставит человека на то место, которого он достоин. Место это определено судьбой, и от нее не убежишь, не спрячешься. Судьба, в свою очередь, есть убеждение, идея и образ жизни каждого из нас.

* * *

Донцовы — Боян Мелитонович и Октябрина Васильевна — после подачи заявления о разводе жили теперь каждый сам по себе. Внешне в их квартире мало что изменилось, но еду они готовили отдельно друг от друга, в магазины тоже ходили самостоятельно, даже по счетам за коммунальные услуги платили порознь. Говорили между собой мало, большей частью обменивались малозначащими репликами — о кошке Муське, подарившей «мужу» четырех прелестных котят, об очередной аварии в аэропорту Казани, в прорвавшейся в подвале дома трубе с горячей водой.

Боян страдал от такого климата в их доме, тяготился молчанием жены (теперь что — можно говорить, бывшей?), с тревогой думал о будущем: где потом, после развода, жить? Двухкомнатную их «хрущевку» продать и купить две однокомнатные нереально. А денежных запасов у Донцовых, как и у многих пенсионеров, не было. Взять в банке кредит?.. Выход, конечно, но и кабала многолетняя, изнуряющая. Это молодым с кредитом можно связываться, а людям в их возрасте...

Октябрина думает над этим, когда он заговорил с нею, отказалась. Ответила: «Ты мужчина, ты наворотил дел, расхлебывай теперь сам».

А как «расхлебывать»? Он и совершить-то ничего особенного не успел. Да, хотел гульнуть, сама же Октябрина к этому его и подтолкнула. Но не получилось же ничего! (Ха-ха! Как у того петуха из анекдота, что не догнал курицу, но хоть согрелся). А Октябрина и слушать ничего не желает: «Видела все своими глазами, хватит мне заливать... Иди к своей пассивности, с ней объясняйся».

Дину Ивановну Донцов, конечно, не забывал. Да и не мог забыть, даже если бы этого сильно захотел: с началом довыборной кампании в городскую Думу местные типографии набрали заказов на печатное продвижение к сердцам избирателей биографий «лучших избранников народа». Типографии Ракитина досталась как раз Дина Зубарева — может быть, она и сама настояла на этом.

Честно говоря, Донцов ждал, что после всего случившегося в гостинице «Спутник» Дина позвонит, что-то скажет — утешительное и обнадеживающее. Она же не дура, понимает, что если их застала жена любовника... (правда, тут еще можно добавить «потенциального любовника»), то у него наверняка могут быть большие неприятности.

Но Дина не звонила, и Донцов, не выдержав, сам однажды набрал ее номер. Она несколько мгновений молчала, решая, видно, как себя вести. Донцов вспомнил, как она спрашивала его: ты, мол, надежный человек? Паузу эту он сейчас понял по-своему: будущая «слуга народа» опасается... Ну, огласки, неловкого его слова по телефону, какого-нибудь компрометирующего предложения.

— Привет, Буянчик! — сказала Дина, будто ничего не случилось. — Как живешь?

У Донцова малость отлегло от сердца — накрутил, понимаешь, черт знает чего, а она... «Буянчик», «Как живешь?»

— Динуля, надо бы увидиться! — выдохнул он наболевшее, ждал, что это очень интеллектное, ласковое к ней обращение многое решит. Он поверил ей, поверил страстным горячим словам и объятиям, ее признанию — «влюбилась как кошка». И себе он уже сказал, что, быть может, Дина — та самая половинка, которая жила без него, хранила ему верность, ждала и надеялась, что встреча их когда-нибудь состоится. Да, он много лет прожил с Октябрьиной, но разве слышал когда-нибудь от нее такой жаркий шепот в постели, разве и сам говорил ей нежные глупые слова и желал такого неистового обладания, как Диной?

Нет, ничего подобного он раньше не испытывал. И Дина — он это чувствовал — тоже в момент их поцелуев и сближения была на седьмом небе, ждала большего, высшего наслаждения, и он готов был дать ей это, готов и сейчас, сегодня, когда она пожелает. Кажется, он тоже влюбился по уши, как семнадцатилетний пацан, и теперь этот седой уже «пацан» скажет Динульке о своих чувствах... Скажет, что они с Октябрьиной подали заявления на развод и скоро перестанут быть мужем и женой. И она, Дина, вполне может сообщить это маме, будущей тещеньке Бояна.

Но вдруг в трубке он услышал суховатое, отстраненное:

— Борис Иванович, простите, я сейчас очень занята. Предвыборная кампания, сами понимаете... Я потом, возможно, перезвоню.

Донцов с недоумением глянул на новый свой мобильник: почему «Борис Иванович?!» И это убийственное «возможно, перезвоню...»

Растерянный, он в некотором ступоре посидел у своего линотипа; растерялся потом: когда они разговаривали с Диной, кто-то, видно, вошел в ее кабинет. Она не стала называть его подлинным именем, произнесла вымышленное... Это нетрудно понять. Но «возможно, перезвоню...» Это сидело теперь в мозгу раскаленным гвоздем.

Может позвонить.

А может и не вспомнить о нем. Поигрались, и будет.

Тоска, одним словом.

На душе было гадко.

Каждое утро Донцов встречал у подъезда своего дома скромную, застенчиво здоровавшуюся с ним женщину — дворника Тоню. Он не знал ее фамилии, не знал, где и с кем она живет, сколько ей лет, но присутствие ее в их дворе чувствовал постоянно. Окна квартиры Донцовых выходили во двор, на сквер и дорогу перед их длинным, девятистоквартирным домом, и эта довольно обширная территория всегда была чисто подметена, зимой выскоблена, нигде не валялось ни бумажек, ни коробок изпод конфет или обуви, пустых пачек сигарет — все это было повседневной заботой Антонины.

Завтракая, Донцов иногда стоял с чашкой чая или кофе у окна кухни, видел Антонину то с метлой, то с граблями и корзиной для опавших листьев, то со скребком, если уже были морозы, снег, и на дороге вдоль дома властвовала гололедица. Донцов всегда удивлялся трудовому упорству этой женщины: в вечной своей вязаной шапочке, в сером халате (а поверх него — желтая куртка), в стареньких сапогах она, казалось, никогда не отдыхала, не давала себе передышки в работе. Это было контрастом в сравнении с мужчинами, другими дворниками, каких он видел в соседних дворах — те часто курили, думая о чем-то постороннем, явно не относящемся к работе, метлой шаркали медленно, лениво, не очень-то заботясь о чистоте. А Антонина... Да, ей вполне можно было дать звание «Ударник», она старалась, работала честно и добросовестно.

Донцов сказал как-то об этом Октябрине, она молча подошла к окну, глянула:

— Ну что — молодец.

И вернулась к плите.

Жильцы дома не раз говорили Антонине «спасибо», она благодарно кивала в ответ, никогда ни о чем не просила, не делала никому замечаний, а только с возросшим старанием бралась на следующее утро за работу.

Как-то Донцов сказал ей:

— Тоня, вы прямо вылизываете двор. Любо-дорого посмотреть.

Она смутилась, неловко поправила красную свою шапочку, сползшую на серые глаза, призналась:

— А я иначе не могу, Боян Мелитонович. Лист, если его осенью не убрать, гнить будет потом всю зиму, весной все равно убирать... Я уж сразу. Да и все остальное. Я, конечно, вижу, кто из жильцов мусорит, но это все молодежь: пачки от сигарет бросают, упаковки от чипсов... Ну что их упрекать — уберу.

— Вы знаете, как меня зовут? — удивился Донцов.

— Я многих из вашего дома знаю. Октябрину Васильевну, жену вашу знаю, соседей по подъезду. Они давно тут живут, и я давно работаю. Запомнила.

— Понятно, — только и нашелся что сказать Донцов и, кивнув Антонине, пошел воясяси. Надо было, пожалуй, и ее расспросить о житебытье... да ладно, в другой раз.

В душе его осталась добрая, теплая какая-то память от того давнего разговора. Вроде бы ничего особенного они друг другу не сказали, просто поговорили два простых человека, приоткрыв свой внутренний мир, но почувствовали взаимную симпатию, и уже этого было достаточно, чтобы как-то сблизиться, посмотреть один на другого иными, неравнодушными глазами.

...Сегодня, выйдя из подъезда, Донцов из Антонины увидел незнакомую женщину азиатской внешности — с метлой в руках и в желтой куртке.

Подошел к ней.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, — занято ответила женщина, не отрывая глаз от метлы. На вид ей лет тридцать, не больше, лицо свежее, без признаков косметики. Взгляд независимый, нейтральный.

— Простите... Я живу в этом доме...

— Я видела. Ты вышел вон из того подъезда, — женщина рукавицей показала дверь. — Меня зовут Шейра. Ты что-то хотел спросить?

— А вы... откуда? Почему здесь? А Антонина наша...

— Я из Узбекистана, — Шейра довольно прилично говорила по-русски. — Антонина... Это которая ваш дом мела?

— Да.

— Ее уволили.

— За что?

— Не знаю. Говорят, они потребовали зарплату повысить.

— Они — это кто?

— Другие дворники. Вот. Их всех уволили, а нас привезли. Дали метлу, жилетку... Сказали: мети тут.

— А вам, значит, хватает зарплаты?

— Хватает. У нас в Узбекистане и этого нет.

— А живете где?

— Нас в пригороде поселили, какое-то общежитие... Холодно, конечно, отопления нет, туалета нет, вода из колодца. Да ничего, мы привычные... Извини, человек хороший, я больше не могу говорить, работать надо.

Шейра снова взялась за метлу, а Донцов, обескураженный услышанным, пошел своей дорогой.

Антонину ему было жаль. Как же так?! Выходит, Антонина, (да и другие дворники), не имеют права поднять вопроса о заработной плате?.. Вот это порядки!

...Уже вечером точки над «i» частично расставило местное телевидение. Показали с десяток бывших дворников города, русских, немолодых людей, которых управляющие компании без всякого предупреждения оставили без работы. Просто накануне обзвонили всех, предупредили: «Завтра не выходите, вы уволены...»

Почему было принято такое решение — не объяснялось. Мол, начальство так распорядилось. Какое начальство, на каком уровне — тайна.

Выяснилось, что уволены десятки людей. Те, что стояли сейчас перед телекамерами, сами пришли к телевизионщикам, потребовали эфира. Для журналистов такая тема — лакомый кусок: маленькая местная сенсация. Как не показать?

Среди понуро стоящих с растерянными лицами дворников (бывших!) стояла и Антонина.

— Октя! Иди посмотри...

Октярина села рядом, смотрела.

Плача, Антонина рассказывала:

— Я столько лет проработала... Управляющая компания тогда еще просто домоуправлением называлась. Ко мне никогда не было претензий. Мне и звание «Лучший дворник района» присваивали, и премии давали...

Я старалась. А как теперь жить? У меня двое детей, школьники. Мужа машина насмерть сбила...

— Моя фамилия Прибытков, — говорил другой бывший дворник. — Мне тоже вечером позвонили, сказали: приди забери трудовую книжку. А на мое место взяли какого-то узбека или таджика, я точно не знаю. Но ко мне какие были претензии? За что уволили? Я не пью, трудовую дисциплину не нарушал, не прогуливал... Как это все понимать?

— А так и понимайте, господа хорошие! — не говорила, а кричала в микрофон грузная женщина в черном берете и поношенной куртке.

— Представьтесь, — попросила журналистка.

— Да, пожалуйста, Щербина я. Тоже всю жизнь с метлой да лопатой. Думала, что дотяну до пенсии, а тут... Как дальше-то быть, господа хорошие? На что жить? Вот вы, девушка, можете мне ответить?

— Нет, — покачала головой журналистка, худенькая, с нервным лицом чернявая девица. — Я не власть, у меня другая работа. Вас вот показываем всей области. Чтобы вас услышали... Говорите, говорите, мы в прямом эфире.

— Дайте, я скажу, — Прибытков оттеснил плечом Щербину: — Я тут кое в чем разобрался, могу объяснить.

— Объясните, — одобрила журналистка, приблизив к его рту микрофон.

— Вот, значит, я и говорю: из Москвы мигрантов выдавливают, они к нам. А наши, местные власти, рады — дешевая рабочая сила привалила. Они и за три тысячи работать будут. А нас — под зад коленом. Иди, загибайся, Прибытков...

В этом месте эмоциональной речи бывшего дворника на экране телевизора появились помехи, картинка пропала, вежливый девичий голос за кадром объявил: «Уважаемые телезрители, просим прощения за технические неполадки на передвижной станции... Мы обязательно вернемся к этой теме...»

— Жди у моря погоды, как же! — сказала Октябрина. — Начальство найдет объяснение: денег на повышение зарплаты дворникам в бюджете города нет, гастарбайтеры наняты временно, для осенней уборки, на постоянное проживание в Придонске они могут не рассчитывать... Да их и не так много.

— Но у нашей Антонины двое детей, школьники, Октя! — воскликнул Донцов, возражая супруге. — Ты же слышала.

— Пусть начальство об этом думает, почему ты?!

— А! Что с тобой говорить! — Донцов досадливо махнул рукой. — Нельзя же быть такой черствой!

— А ты все слишком близко принимаешь к сердцу, Боня. — Октябрина Васильевна старалась смягчить градус их разговора. Но у нее это плохо получалось — может быть, в глубине души она и была согласна с мужем.

В самом деле, уволить женщину, у которой на иждивении двое несовершеннолетних детей...

А с ним, Бояном, как поступили! Просто выкинули на улицу за два года до пенсии! Иди, жалуйся. Хорошо, что соцзащита помогла.

...Тележурналистка (фамилию ее Донцов не запомнил) сдержала свое слово: ровно через неделю, в местных вечерних новостях, она, напомним «дорогим зрителям» о прошлом эфире с уволенными дворниками, сказала:

— Сегодня у нас в гостях депутат городской Думы Дина Зубарева. Здравствуйте, Дина Ивановна.

— Здравствуйте, — сдержанно ответила та.

— Боня! — крикнула из зала Октябрина Васильевна. — Иди сюда, как-жестся, твоя пассия выступает.

Донцов пришел, глянул.

— Она? — спросила Октябрина.

— Да, она.

Дина за эти минувшие месяцы мало, конечно, изменилась. Разве прическа стала несколько иной, каштановые волосы были собраны на затылке в тугой, аккуратно подобранный узел, да одежда (строгий синий костюм) выглядела побогаче — ну, депутат же! Но взгляд ее изменился: теперь сквозило в нем некое превосходство, внутренняя отдаленность от всего мелкого, житейского, которая подчеркивала ее высокое служебное положение.

— И на козе к ней не подъедешь, к такому депутату, — съязвила Октябрина Васильевна. — Когда в слуги народа пробивалась, не иначе по-другому себя вела: и в глаза людям смотрела, и улыбалась, и обещала наказания выполнять. А теперь... Как это она в постель с тобой легла, Боян Мелитонович? У нее же на лице написано: жлобы вы все!

«Надо же! — хмыкнул про себя Донцов. — В самом деле... Как человек изменился. Ничего от прежней Динули не осталось».

Октябрина Васильевна искаса подглядывала на мужа — как реагирует? Но он не дал ей никакого повода для злословия или замечания — молча смотрел на предмет своей мимолетной, несостоявшейся любви.

— Дина Ивановна по долгу службы занимается проблемами жилищно-коммунального хозяйства, — поясняла журналистка приглашение в студию депутата. — Мы показали ей сюжет с уволенными дворниками и попросили прокомментировать его. Пожалуйста, Дина Ивановна. Скажите ваше мнение.

— Ну, что могу сказать... — Зубарева с начальственной хмуростью покашляла в кулачок. — Мы разбирались в этой ситуации поименно. Увольнения правильные, справедливые. Во-первых, дворники потребовали увеличить им зарплату.

— А разве это незаконное требование? — спросила журналистка.

— Все хотят получать больше, да. Но городской бюджет не резиновый. К тому же дворники работают всего несколько утренних часов. Я сама сколько раз видела нашу дворничиху, она подметает тротуар часа полтора-два. Остальное время отдыхает. Во-вторых, уволены те, кто просто лодырничает, прогуливает. Или выходит на работу в нетрезвом виде. И мы с вами хорошо знаем, что нашим людям свойственно работать через пень-колоду, особенно дворникам.

— Стерва ты! — бросила гневное слово Октябрина Васильевна. — И среди наших дворников много честных и работающих. Вон возьмите нашу Антонину... Чего ты молчишь, Боня?!

— А кому говорить — телевизору? — вспыхнул Донцов. Его, конечно, тоже возмутили слова Дины.

— Ты своей возлюбленной потом можешь позвонить.

— Она не станет со мной разговаривать.

— А, значит, звонил уже!.. Ну-ну. Понятно.

— Что касается мигрантов, — продолжала Зубарева, — люди они трудолюбивые, мы в этом убедились, работают добросовестно и прилежно. И

никакой политической подоплеки в этом факте нет. В нашем городе они находятся на законных основаниях, то есть приглашены мэрией, размещены в пригороде, на работу их возят специальные автобусы... Что могу посоветовать нашим землякам: старайтесь, дорогие мои, работать, старайтесь. Времена нынче другие, социализм кончился, халтурить и прогуливать не получится. Зарплату надо зарабатывать, она и называется «заработная плата», а не плата за прогулы и безделье.

— Но, Дина Ивановна, позвольте вас проинформировать: в народе говорят о том, что в данном случае происходит ущемление прав...

— Вы, журналисты, собирайте поменьше сплетен в так называемом народе! — повысила голос Зубарева. — Я же вам четко и честно все объяснила: в нашей стране действует рыночная экономика, касается она и такого непривлекательного труда, как уборка дворовых территорий. Значит, действует конкуренция: кто лучше работает, того и берут на эту самую работу. А русский ли, таджик, узбек... — какая разница? Вы, уважаемая, задаете некорректный вопрос.

— Извините, Дина Ивановна, — смутилась журналистка. — Давайте вот еще о чем поговорим...

Октябрина Васильевна выключила телевизор.

— Крыса! — все тем же гневным голосом сказала она. — И как только таких во власть берут.

«Таких, оказывается, и берут», — вздохнул Донцов, но вслух говорить ничего не стал, ушел на кухню, размышлял. Дина повернулась к нему неожиданной стороной: женщина в любовных играх и женщина во власти — совсем разные особи, хоть и в одном лице.

Вот так, морячок. Хоть ты и бывший подводник, а нынче поверху плаваешь, по волнам. Поглубже надо смотреть.

* * *

Типографию Владимира Ракитина ждали серьезные события.

Во-первых, ему домой и на работу стали звонить какие-то личности, говорили явно с кавказским акцентом, предупреждали: «Мы знаем, дорогой, что твоя типография печатать про нас гнусные листовки. Мы тебя предупреждаем: уймись!»

Ракитин сказал об этом только Донцову, попросил панику в коллективе не сеять. Они решили, что это просто провокация, бояться им нечего.

Потом позвонил из Москвы Гриша Столбов:

— Володя, давай смелее тексты. Печатай то, что мы тебе переслали. Круши по полной!

И Ракитин стал «крушить». В Москву поехала новая партия листовок и воззваний с совсем уже откровенными призывами к власти.

Во-вторых, в типографию явились местные полицейские (двое представительных мужиков в форме). Сказали, мол, имеется сигнал на ваши подпольные издания, покажите, чем вы тут занимаетесь?

К счастью, никакого компромата они не нашли, на верстальных столах лежали рекламные наборы. Но полицейские попросили все же тиснуть для них образцы этих материалов, один из них поинтересовался у Донцова, что за рукописи лежат на его линолите, почитал...

Уходя, еще раз предупредили Ракитина, чтобы он «думал о себе и своей типографии, шутить с властью не следует».

Володя, естественно, от всего отрекался, снова брал в руки безобид-

ные бланки, театральные программки, рекламные проспекты — вот, дескать, наша продукция, при чем тут власть? Звонок в полицию — это происки конкурентов, не иначе, в наше время это случается довольно часто.

Полицейские, судя по их лицам, не очень верили Ракитину, но привлечь его было не за что. Они ушли, оставив после себя чувство тревоги.

Типография выполняла теперь подпольные заказы по ночам, пачки такой продукции исчезали из тайного складского помещения к утру. Кажется, можно было перевести дух...

Но месть недовольных не заставила себя долго ждать: однажды утром, когда типографские явились на работу, они застали жуткую картину — их «кормилица» была разгромлена до основания. Линотипы зверски разбиты кувалдами, шрифты у наборщиков рассыпаны, верстальные столы опрокинуты и покорежены, плоскочечатные машины изуродованы.

Женщины плакали, ахали, судили-рядили, как им быть дальше — у них тоже были уникальные, отжившие во времени специальности.

Ракитин примчался по звонку Донцова, ходил по разгромленной типографии с белым, перекошенным от боли лицом, повторял:

— Я знаю, кто это сделал, знаю... Хотя и москвичи могли. Проследили за курьером, нашли нас... У Столбова тоже врагов немало.

— Ну что, Владимир Григорьевич, нам искать работу? — спросила одна из женщин.

— Да, пожалуй, — с Ракитина слетело благодушие и некая присущая ему бравада. — Рисковать я больше не буду. В следующий раз они мне голову проломают... Плевать я хотел на эту политику, все равно благодарностей не дождешься. Не те, так другие придут.

— Может, отремонтируем, Володя? — спросила одна из женщин. — Моя машина не очень разбита, я мужа попрошу...

— Что мне ваш муж? — сейчас же завелся Ракитин. — И вообще... Мне о себе надо думать. А вы устраивайтесь как знаете.

Женщины постояли, поплакали, разошлись.

— Что будешь делать? — спросил Донцов, когда они остались вдвоем. — Помещения-то жаль бросать.

— А я и не собираюсь их бросать. Авторемонтную мастерскую открою.

Наверное, Володя уже подумывал об этом, сказал, как о решенном деле.

— Меня возьмешь?

Ракитин отвернулся, сделал вид, что занят каким-то документом, который он поднял с пола. Сказал через паузу:

— Нет, Донцов, не возьму. Машины у тебя никогда не было, авто ты не знаешь.

— Я разберусь, Володя.

— Ну, как ты разберешься?! Ты знаешь устройство двигателя внутреннего сгорания? Нет, не знаешь. А я буду иномарки ремонтировать. А это квалифицированный слесарь должен делать. И учить мне тебя некогда... Мне нужен готовый специалист. Понял?

— Да, понял. Давай трудовую книжку.

— В офис съездишь. Я скажу там...

— Ладно, спасибо за все.

— Да чего там, не стоит.

На лице Ракитина была кислая-кислая мина. И еще страх, который он тщательно прятал.

К этому времени истек двухмесячный срок, который симпатичная судья Людмила Георгиевна дала супругам Донцовым на раздумье.

Накануне, отправляясь по делам (надо было съездить в офис Ракитина за трудовой книжкой), Донцов спросил Октябрьину:

— Ты не забыла, какое завтра число?

— Не забыла, — ответила она односложно. — Разводиться завтра пойдем.

И вот теперь, двадцатого декабря, явившись к 17.00 в здание суда, Донцов одиноко сидел в коридоре, поглядывал на часы. Истекали последние минуты, Октябрьина не появлялась, и он стал нервничать: что случилось? Она же знает о назначенной дате и времени, опаздывать нельзя, у судьи все дела расписаны по времени, ждать она не может.

Не иначе, с Октей что-то случилось в дороге. На дворе декабрь, холод, гололедица. Вполне возможно, что маршрутку, в которой она ехала, занесло, та столкнулась с другой маршруткой или легковушкой... То есть, авария, дорожно-транспортное происшествие — разбиты машины, покалечены люди.

Фантазия эта, подкрепленная и усиленная не раз виденными ДТП по телевизору (да и наяву тоже), тревожным и зримым вихрем пронеслась в мозгу Донцова. Он заволновался пуце прежнего, невольно поймав себя на том, что Октябрьина Васильевна, пусть и бывшая жена, все же не посторонний ему человек, и он не желал бы ей и возможно случившейся аварии, и какого-либо членовредительства.

Вышла секретарь судьи, тепло, по-зимнему уже одетая белокурая девица в вязаном свитере и толстой юбке, спросила, где Октябрьина Васильевна, и Донцов лишь молча пожал плечами.

— Ждем десять минут, не больше, — строго предупредила девица и скрылась за дверью.

Донцов набрал мобильный телефон Октябрьины, тот не отвечал.

«Точно, дэтэпэ, — подумал он. — В ГАИ, что ли, позвонить?»

Но как туда звонить, он не знал, никогда не интересовался этим телефоном, потому что они с Октябрьиной не имели машины, и номер ГАИ им не был нужен.

Через десять минут секретарь судьи снова вышла, сообщила, что Людмила Георгиевна перенесла рассмотрение их дела на следующий месяц, приходите двадцатого января в это же время.

Донцов извинился за обоих, сказал, что, вообще-то, Октябрьина Васильевна ответственный и дисциплинированный человек, должна была прийти вовремя, не иначе что-то случилось по пути сюда, в суд.

Секретарь молча выслушала, ушла.

А Донцов спешно покинул пустующий сейчас коридор суда, поймал такси и помчался домой. Не дай Бог, если что-то произошло с Октябрьиной!.. Она (да и другие горожане) могла стать и жертвой террористки-смертницы. Донцов вспомнил, кстати, местную газету, где печатали материал о женщинах, вступивших на чудовищно-жестокую тропу войны. Не дай Бог, если хотя бы одна из них уже здесь, в их Придонске, притаилась и ждала момента.

...Октябрьина была дома, пребывала в полном здравии и ровном настроении. Открыв дверь на нервный его звонок, снова вернулась в ванную, где что-то стирала.

— Октя... Октябриня Васильевна! — выпалил Донцов. — Что случилось? Почему не приехала? Тебя ждали в суде. И я ждал, волновался...

— Волновался? — она стояла к нему спиной, отжимала какую-то мокрую вещь.

— Да, волновался. Думаю: ехала в маршрутке... скользко... авария... Она засмеялась, подхватила:

— ...маршрутка перевернулась, бывшая жена разбилась. Тебе легче: квартиру не надо делить, привел бы сюда свою пассию, депутатку... Хотя, здесь ей могло и не понравиться.

— Октя?! Что ты несешь?! Живи сто лет, дай тебе Бог здоровья!

Октябриня Васильевна удовлетворенно мотнула головой, тряхнула вещь, которую стирала (это оказалась рубашка Донцова), пошла вешать ее на кухню. Сказала через паузу:

— Нет, сто лет жить не хочу. Не хочу быть обузой и для самой себя, и для окружающих, то есть для тебя. Кто тебе рубашки стирать будет?

— Так ты... Значит, ты сознательно в суд не пошла? За стирку взялась?

— Сознательно и продуманно, Донцов. Не буду с тобой разводиться. И развода тебе не дам. Так и знай.

— Да ты... Ты же была инициатором!

— Была. А теперь передумала. С Боженкой посоветовалась, батюшка меня в церкви надоумил. Негоже, говорит, семью рушить, грех это. И я не хочу жить одна... Мы с тобой столько лет вместе. Может, ты действительно не изменил мне. Я же тебя в самый ответственный момент застукала, Боня. Так?

— Так. В самый что ни на есть ответственный. — Донцов снял уже дубленку, развязывал, наклонясь, шнурки на ботинках. — А спугнуть мужика... сама понимаешь.

Она промолчала, отворачиваясь, пряча улыбку. Сказала, не поднимая глаз:

— Жалко мне тебя стало, Боня. Ходишь понурый, голодный, наверное. Рубашки вот не стираны. И на работе проблемы.

— Да рубашки я бы и сам... А с работой — да, дело швах. Разгромили типографию Ракитина. Мы практически на улице. Володя и мне, да и всем остальным сказал: увольняйтесь. Автомастерскую буду тут открывать.

— Вашу типографию рано или поздно разгромили бы. Власть вас из виду не упускала.

— Ты думаешь, власть это сделала?

— Убедена в этом. Такие листовки печатать... Приходили же к вам, ты рассказывал, из полиции, а, может, это были чекисты... Что ты, Боня! Это очень опасно. Да и глупо. Революции в столицах делаются, а не в провинции.

— Но как-то бороться с несправедливостью надо?! С засилием мигрантов! С преступностью...

— Найди другой способ борьбы, Боня.

— Какой? Подскажи, раз такая умная.

— Не знаю, не знаю. Голосовать не ходи, телевидение не смотри... А лучше всего сиди тихо, не высывайся. Ты — пенсионер, свое отработал. Снова иди в собес, или как он сейчас называется — комитет соцзащиты, пусть тебя на досрочную пенсию оформляют, это возможно... Линотипистом ты нигде больше не устроишься, отжила твоя профессия, увы... Ладно, иди ужинать, я свежий борщ сварила.

Поскольку кухня была занята мокрым бельем, ужинали они в зале, за небольшим полукруглым столом. К борщу, жареной картошке с котлетами, к домашней этой закуске Октябрина выставила вдруг и запотевшую бутылку прозрачной хорошей водки.

Пояснила, держа на лице улыбку:

— Это чтобы ты успокоился. Говоришь, волновался за меня? Переживал?

— Переживал. Скользко же!.. А тебе налить?

— Налей. Граммов тридцать.

Он налил ей именно тридцать граммов — была у Окти такая рюмочка на длинной ножке. Выпил с удовольствием, жадно стал есть борщ, который Октябрина умела варить.

От выпитого и съеденного по телу пошло тепло, было ощущение, что с плеч свалилась гора. И вообще... Хорошо все же снова оказаться женатым человеком, мать твою в якорь! Ценишь ведь потом, когда теряешь!

Октябрина спросила лукаво, с плохо скрытой надеждой:

— В самом деле, у тебя с этой депутаткой... ничего не получилось?

— Ты еще спрашиваешь, Октя! — горячо и вполне искренне отозвался Донцов. Сидел он сейчас раздумявшийся, помолодевший, довольный жизнью. — Как на духу тебе говорю: она все болтала, болтала... Я и так, и эдак...

— Вот кобель! — сейчас же вставила Октябрина. — Постеснялся бы рассказывать.

— ...А потом вдруг ты объявилась, — продолжал исповедь Донцов, как с горы катился. — В самый неподходящий момент. Как ты ушла, я сразу одеваться, не до того уже было. Да и она испугалась.

— Красиво говоришь, Боня, — усмехнулась Октябрина. — Но почему-то верится. Налей себе еще. Да и мне, пожалуй... Котлеты ешь, с утра же затеяла...

Они дружно поужинали, посмотрели телевизор и... разошлись по своим углам. Перешагнуть какую-то черту ни у него, ни у нее не хватило храбрости. Очень уж затянулось их отчуждение, надо было заново приывать друг к другу.

Но ближе к полуночи Октябрина уверенными шагами пришла к Донцову, тронула его плечо:

— Спишь, Боня?

— Нет.

— Ну, тогда подвинься.

Он, счастливый, обнял старую свою жену, говорил ей молодые глупости, чувствовал прилившую уже силу, как вдруг к ним на постель вспрыгнул кот Кузя. Он деловито прошелся по их голым ногам, забрался на спину к Донцову, и на нахальной его усатой мордочке было написано: «А че это вы тут делаете, старики? Стыдно же! Ай-яй-яй...»

— Брысь, негодник! Тебя только и не хватало.

* * *

Боян Донцов обладал хорошей зрительной памятью и тренированной наблюдательностью — служба на флоте, на секретной подводной лодке оставила в нем эти положительные качества.

Занимаясь еще типографскими делами, Донцов нет-нет да и вспоминал о той статейке в местной газете, где рассказывалось о трех терро-

ристках-смертниках: он даже вырезал ее и хранил в своем рабочем шкафчике.

Напоминанием об этих безумных женщинах служили и регулярные репортажи из Махачкалы, где время от времени бандиты убивали кого-нибудь из представителей власти, сотрудников Федеральной службы безопасности или полицейских. Полиция и ФСБ, в свою очередь, периодически уничтожали главарей бандитского подполья и рядовых членов.

Понятно, в Дагестане шла малая гражданская война, которую власти называли антитеррористической операцией, а бандиты — джихадом, борьбой с «неверными» за независимость мусульманского мира и «чистый ислам». На самом деле речь шла о радикальном, преобразующем мир исламе, который набирал силу с каждым днем.

Прошлой осенью по телевизору показали некоего Мурата Касымова, молодого человека с черной бородкой на вполне интеллигентном лице; в руках у него была снайперская винтовка, а мужской голос за кадром пояснял, что это — один из главных дагестанских террористов, ФСБ давно охотится за ним, чекисты ориентировочно знают, где он скрывается, но захватить его живым или уничтожить пока не могут.

Потом передали по телевидению еще один репортаж, снова в Махачкале гремели выстрелы, снова пролилась кровь сотрудников полиции, и опять упоминалось имя Мурата Касымова.

Запомнили его, надо думать, многие.

Запомнил и Донцов.

Мелькали на экране и лица потенциальных смертниц, Донцов и их невольно уложил в память, очень уж навязчиво, несколько раз рассказывалось об этих женщинах. С одной стороны, это было правильно: нужно было предупредить население об опасности; с другой — спецслужбы будто расписывались в собственном бессилии в борьбе с таким злом, как одурманенные пропагандой террористки. Их же где-то готовят, с ними работают, тонко агитируя и на собственную смерть, и на уничтожение ни в чем не повинных людей.

Спецслужбе надо бы знать: кто готовит, кого, где... ну, и разрушать эти бандитские гнезда на корню, предотвращать теракты.

Одна из этих женщин, Заира Мамедова, молодая женщина в рябеньком хиджабе и с печальными глазами, запомнилась Донцову проще других, он даже не мог объяснить себе, почему это случилось. Стоял, вот, перед глазами ее облик и все тут. Донцов был даже уверен, что легко смог бы узнать эту женщину.

Размышлял в свободную минуту: что же ее подвигло согласиться на такой шаг? Ну, к примеру, Аксану Алиеву, так называемую «черную вдову», еще можно понять — когда-то чекисты уничтожили ее мужа-террориста, но Заира... Молодая девушка, чуть больше двадцати лет, готова убить себя и унести в могилу десятки других людей! Как это понять?! Сколько же надо иметь в душе злобы, ненависти, чтобы направлять их против обычных граждан страны, в которой живешь!

Донцов не мог понять смертницу Заиру.

В сердце его жили теперь печаль и тревога. Он каждый день ездил в большом маршрутном автобусе через весь город, по утрам и в конце рабочего дня, автобусы, как правило, были переполнены, просто забиты людьми, многие стояли, мамы везли детей, пассажиры были заняты своими мыслями, и, может быть, он один, Донцов, думал сейчас о том, что будет,

если одна из трех террористок, портреты которых помещены в местной газете, окажется здесь.

Он отгонял эти навязчивые мысли, убеждал себя, что террористки могут и не появиться в их Придонске, в газете же написано, что точно такие же сообщения появились и в других городах Центральной России. Смысл понятен: люди, будьте бдительны! Вот и все.

— Сколько можно?! — в сердцах говорил он жене. — И главное — во имя чего эти кровавые сериалы? Зачем ты их смотришь?

У Октябрины психика была покрепче: новости она смотрела спокойно, да и канал НТВ приучил ее к такого рода сюжетам.

Она заботливо советовала мужу:

— Ложись спать. Завтра же в шесть подниматься.

Все это теперь было в прошлом.

* * *

Очередную весну Придонск встречал с радостью и новыми надеждами. Да и как было не радоваться теплу, яркому майскому солнцу, свежей листве в парках и скверах! Давно уже убраны в шкафы дубленки и шубы, женщины щеголяют в легких красивых нарядах, и мужчины стараются не отставать от них.

Промыты, сверкают чистотой окна домов и витрины магазинов, подметены тротуары, сияют отполированными кузовами ухоженные автомобили.

Тысячи, тысячи автомобилей! Легковые, шустрые «газели», громадные автобусы. Все куда-то едут, всем куда-то надо.

Надо и Бояну Донцову — домой. Супруга посылала его на центральный рынок, купить картошки и свежих огурцов. В ближайших к их дому магазинах хорошего картофеля не было, а Октябрине нужно, чтобы он был белого цвета и крупный (но не крупнее ее кулака).

Донцов такую картошку и выбирал.

Ехал сейчас назад с полной сумкой, размышлял о том о сем. На дорогах города — пробки, автобусу ползти минут сорок пять, а то и час. Придонск переполнен этой ревущей, дымящей, нервно дергающейся в пробках цивилизацией, от которой уже нет спасения, ибо она занимает все большее пространство не только на улицах городов, но и во дворах, на детских площадках, у подъездов, на газонах...

В Придонске восемьсот тысяч автомобилей. Что будет с городом через год-два? Машин прибавится, на каждого жителя мегаполиса будет по желанному авто, и что дальше? Мечта жаждущих исполнится, да, но что с этой мечтой делать, если ездить по городу будет нельзя.

Смысл жизни нынешних людей, начала двадцать первого века, определился сам собой: чтобы чувствовать себя человеком, — обогащайся, стремись к «джентльменскому набору»: квартира (или коттедж), машина, дача, гараж, счет в банке, молодая жена (муж). А потом уже, если хватит сил и времени, — дети.

А к чему стремились они с Октябриной? Просто работали. Детей Бог не дал, машины-дачи-гаража нет, на счету в банке — только «гробовые». Ну, двухкомнатная «хрущевка». Но была наполненная трудом жизнь в спокойном государстве под названием Союз Советских Социалистических республик, маленькие радости признания коллективом типографии, где раньше работал Донцов, его высокой квалификации, честности и поряд-

дочности, уважение за профессиональные заслуги. Разве этого мало? И медаль «Ветеран труда», и многочисленные почетные грамоты, которые аккуратно сложены у них дома в серванте, и публикации в местных газетах о его трудовых и рационализаторских достижениях... Разве все это пустое, ненужное в человеческом существовании?

Сейчас жизнь в России другая. Рынок изменил взаимоотношения людей, шкалу ценностей поступков, направление движения страны. А куда она, интересно, стремится? Куда движется?

Никто нынче не может ответить на этот вопрос.

Живешь и живи.

А русский человек не может жить безыдейно, как животное. Он привык жить в ногу с идеями, стремиться к высокому.

Размышляя так откровенно, волнительно для себя, Донцов ненавязчиво рассматривал своих попутчиков. Автобус в этот невечерний еще час (около четырех) был полупустым. Рабочий день не кончился, основной поток пассажиров хлынет после пяти... От нечего делать Донцов старался угадать, о чем могли бы думать в этот момент его попутчики.

Вот перед ним молодая мама с ребенком на руках — какие мысли могут быть в ее аккуратно причесанной головке? А что тут гадать?! Думает о том, чтобы дитя не болело, чтобы без особых потерь дотянуть семейный бюджет до следующей получки мужа, и чтобы вовремя заплатить за квартиру...

Две парней, по виду студенты, сидят, подмигивают девицам с противоположного ряда сидений. Тут все ясно...

Седая женщина, сосредоточенная на какой-то суровой мысли, здесь тоже легко предположить: сын пьет или наркоман, или совершил преступление и угодил в следственный изолятор.

Пожилой, с седыми вислыми усами гражданин с костылями между колен. Какие-то бумажки разглядывает, недовольно бормочет, качает головой. Этот о лекарствах думает, о ценах на них, которые растут каждый квартал.

Вряд ли кто-нибудь из них, его попутчиков, занят сейчас высокими мыслями или размышлениями о тех трех террористках, какие заняли мысли его, Донцова. Дагестан далеко, заботы ФСБ и спецподразделений МВД тоже где-то там, в горах и аулах; мигрантское засилье Москвы, преступность, связанная с ним, — проблема москвичей и правительства... Придонск, конечно, тоже испытал на себе удары террористов: несколько лет назад на остановках транспорта один за другим гремели взрывы. Одна женщина погибла, несколько человек ранено. Но террориста тогда поймали (кстати, русский парень, вот урод!), посадили, все утихло. Живем дальше. Думаем о насущном, о каждодневном...

* * *

Спустя неделю после увольнения из несуществующей уже типографии Ракитина, Донцов снова отправился по знакомому адресу — в районный комитет социальной защиты населения.

Отстояв большую очередь, он оказался в том самом кабинете, где полгода назад познакомился с Диной Ивановной...

Воспоминания о ней сжали сердце, но он постарался заглушить их в своей памяти — ни к чему это теперь. «Все пройдет, как с белых яблонь дым...» — сказал великий русский лирик.

В кабинете в этот раз сидели две женщины и мужчина неопределенного возраста, который не отрывался от монитора компьютера.

На приветствие Донцова никто из них не ответил (язык заболит всем «здравствуйте», да «до свидания» говорить...), женщина за крайним столом жестом позвала его к своему столу.

— Ну? Что у вас? — Она мельком глянула документы.

— Работу ищу, — также односложно отвечал он.

— Вы к нам обращались?

— Да. Дина Ивановна на вашем месте сидела.

— Ну, Дина Ивановна теперь далеко и высоко, — внешне бесстрастно произнесла женщина, но на крупном ее лице мелькнула какая-то неодобрительная тень. Она ткнула в клавиатуру своего компьютера, нашла нужный файл, прочитала.

— Донцов... линотипист... Нет, Боян Мелитонович, такой работы мы с вами не найдем. Была одна типография, и та... В общем, нету ее.

— Я знаю. Я там работал.

— На другую работу пойдете?

— На какую?

— Ну... Или учеником токаря... вот «Сельмаш» зовет, или охранником.

— В пятьдесят восемь лет учеником токаря идти... поздновато. На работу охранником лицензия нужна, а у меня ее нет. Туда, кстати, только бывших ментов берут.

— Я в курсе. — Женщина продолжала щелкать клавишами. — Тогда вот — лифтером. Управляющая компания «СОДРУЖЕСТВО».

— Это где, в каком районе? — спросил Донцов.

— В Юго-Западном, на Путиловской.

— А-а... Давайте съезжу.

— Езжайте. Вот направление. Директором там Гаджиев Эльдар Магомедович.

— Надо записать, так не запомнишь.

— Запишите. — И женщина изобразила на лице некое подобие улыбки.

К Гаджиеву в его крохотной приемной тоже сидели несколько человек, Донцов дождался своей очереди, вошел, поздоровался.

— Привет, дарагой, — кивнул директор. — Садись, в ногах правды нет. К тому же, они не казенные.

Руководитель управляющей компании — тучный, полулежащий в кресле мужчина лет пятидесяти — был настроен благодушно, и Донцов посчитал это хорошим признаком. В небольшом кабинете клубами плавал табачный дым. Гаджиев, судя по всему, курил беспрерывно, вот и сейчас, едва затушив сигарету, он взялся за очередную. Предложил и Донцову, но тот отказался. Сказал, что не курит.

— Маладэц! — похвалил директор. — Ну, тогда терпи, дарагой.

Пока он щелкал зажигалкой, Донцов прикинул, что Гаджиев — из азербайджанцев, в Придонске живет давно, по всему чувствуется. И в мягком своем кресле сидит крепко, надежно. Вполне возможно, что руководит местной диаспорой, имеет связи с Юго-Западным рынком... словом, устроился в России хорошо и навсегда.

— Слушаю тебя, дарагой, — произнес наконец Гаджиев, справившись с зажигалкой и глядя на Донцова выпуклыми карими глазами.

— Я насчет работы, Эльдар Магомедович. Меня из управления соцзащиты направили. Вот.

И положил на стол направление.

Гаджиев даже не глянул на бумажку.

— Слушай, это насчет лифтера, да?

— Да.

— Ну, зачем они мужчину присылают, а?! Я же говорил: женщина!

Она терпеливая, на месте женщина сидит спокойно, не нервничает... А ты нервничать будешь, дарагой, я знаю. У меня уже был мужчина. То за пивом побежит, то машина у него барахлит, ремонтировать надо... А человек в лифте застрял, меня по телефону беспокоит. Мне это надо? Нет-нет, мужчина мне не нужен.

— Эльдар Магомедович, я... — попытался было вставить слово Донцов, сказать, что он много лет работал на линолите, это тоже сидячая работа, она ему не в тягость, наоборот.

Но Гаджиев его не слушал.

— Вот что, дарагой, у меня место может быть на ассенизаторской машине, бочка такая круглая... Мы частный сектор у нас в районе обслуживаем, частные уборные... Работа не из приятных, но...

— У меня нет прав на автомобиль, — прервал его Донцов.

— А-а... — Гаджиев понятливо мотнул большой кудрявой головой с седыми пышными висками, взялся было за следующую сигарету, но передумал, швырнул пачку в ящик стола. — Тогда, дарагой, ничем не могу помочь. Иди. Лифтером я тебя не возьму. Место уже занято. У меня землячка приехала, надо ей помочь...

* * *

«Землячка у него приехала, — кипел Донцов, сидя уже в автобусе, который вез его домой. — А ты, д а р а г о й, иди. У меня «Содружество» с земляками...»

Полдороги он гасил в себе раздражение против Гаджиева, не мог унять обидные слова в его адрес, какие бурлили в голове, наконец, сказал себе: «Хватит брюзжать, морячок. Ищи дальше. Ниже ассенизатора работу не предложат... Разве что могилы копать... Нет, брат, и туда так просто не устроишься...»

Автобус катил себе по маршруту, пассажиры входили и выходили, салон его не пустовал. На Стрелецкой осталось несколько человек, но Донцов знал, что на следующих остановках народу прибавится: на Донбасской многие садятся, потом у Политехнического, у автовокзала... Дальше автобус пойдет переполненным. А он, Донцов, почти приехал.

Солнце светило с правой стороны, пронизывало автобус насквозь; был разгар дня, в салоне заметно пахло горючим, коробка скоростей у этого старого рыдвана заедала, машина дергалась при трогании с места, дергались вместе с ней и пассажиры.

У автовокзала вошла в переднюю дверь молодая, в восточном одеянии женщина, и Донцов невольно вздрогнул — это была Заира Мамедова, террористка-смертница.

Он не мог поверить своим глазам, но не мог и ошибиться — память его не подвела.

Наверное, она знала, что и ее фотография, и фотографии двух других смертниц были напечатаны в газетах и показаны по телевидению, и потому внешность свою Заира сильно изменила. С первого, не очень внимательного взгляда ее можно было принять и за цыганку. Но приглядев-

шись, наблюдатель безошибочно заметил бы разницу: и платки у цыганок не так накидываются на голову, и юбки пестрые, и украшения на пальцах бросаются в глаза. Донцов сразу же определил, что хиджаб на Заире тот же самый, что и на фотографии, одета она в длинное однотонное серое платье, поверх которого — свободного покроя пиджак, где она прятала руки и выдавала себя за беременную: выпирал из-под пиджака небольшой, но заметный «живот».

У Донцова оставалось мгновение, пока автобус еще стоял с открытыми дверями и можно было выскочить. (Вспомнил вдруг совет Октябрины...) Но он окаменел при виде смертницы, не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, а просто немо смотрел на нее, на женщину, у которой совсем недавно думал. Сцепив зубы, инстинктивно втянув голову в плечи, он обреченно ждал, что уже в следующую секунду она приведет в действие взрывное устройство. То, что на месте «живота» спрятано это устройство, — смерть для всех, кто находился сейчас в автобусе, он не сомневался.

Но Заира спокойно прошла по салону, села впереди Донцова.

Он — в жутком смятении, в котором смешались: страх, безысходность, желание спастись, выжить, необходимость что-то предпринять — лихорадочно гонял свои мозги, заставляя себя что-то вспомнить, с тем, чтобы найти выход, нейтрализовать эту обезумевшую женщину, заставить ее выйти из автобуса, спасти жизни — свою и едущих в автобусе людей.

Донцов понимал, что времени у него — секунды, что необходимо что-то придумать в оставшиеся эти мгновения жизни, найти выход. Он перебирал в памяти мужские имена — чеченцев и жителей Дагестана, имена путались, мешали друг другу, сбивались в голове пчелиным роем, а он никак не мог вспомнить то имя, которое так сильно заставлял искать свой мозг.

Автобус остановился перед кроваво-красным глазом светофора, это дало Донцову еще минимум тридцать секунд, и он в нечеловеческом напряжении продолжал вспоминать то, что обязан был вспомнить.

Заира сидела спокойно, с отрешенным взглядом. Наверное, она уже ездила этим маршрутом, знала, где в автобус войдет много пассажиров, ждала этого момента.

Снова загорелся на светофоре зеленый свет, автобус покатил дальше; ровно гудел мотор, в кабине водителя негромко играла музыка, знакомый мужской голос распевал: «...Я люблю тебя, жизнь, и хочу, чтобы лучше ты стала...»

Донцов! Ну! Вспоминай!..

Он с прежним напряжением стал восстанавливать в памяти телепередачу из Махачкалы, где говорилось о террористах, заново увидел лицо молодого мужчины с черной бородкой и снайперской винтовкой и — вспомнил! Мурат Касымов! Вот кто ему нужен.

Донцов наклонился к уху Заиры, сказал дрогнувшим голосом:

— Заира, Мурат сказал: не здесь.

Голова в хиджабе дернулась, повернулась. На Донцова смотрели чуть раскосые черные глаза.

— Какой Мурат?

— Касымов.

Заира помолчала. Лицо ее сделалось растерянным, напряженным.

— Выйдем на следующей остановке, я все скажу, — Донцов не давал Заире время на обдумывание, использовал ее замешательство. «Только не сорвись, — умолял он самого себя. — Продолжай в том же духе, Боян Мелитонович, мать твою в якорь! Не дрейфы!»

— Хорошо.

Заира повиновалась. Имя Мурата было для нее приказом. Странно, конечно, но она никак не ожидала увидеть за спиной русского человека, который откуда-то знает Касымова. Может быть, это полицейский? Или чекист?

Нет, не похоже. Те бы вообще не дали ей войти в автобус, взяли бы где-нибудь на улице, подальше от людей.

Они вышли.

Под пиджаком Заира держала пальцы на тумблере. В любую минуту она может щелкнуть им, и тогда и от нее, и от этого русского, и от окружающих их людей останутся только воспоминания. Она знала силу взрывного устройства, видела, что остается от людей. Это грех, да. Но Аллах все ей простит, а она отомстит за... за кого? Это не важно. Пусть неверные поплачут, погорюют за своих. А она выполнит свой долг мусульманки, которая хочет, чтобы миром правил чистый ислам.

— Что? — Заира в упор смотрела на Донцова. — Кто ты такой? Откуда знаешь Касымова?

— Знаю. С Муратом мы познакомились в Хасавюрте... Но это долго объяснять. Заира, мы с Рамазаном сопровождали тебя, так было приказано.

Донцов врал напрапалую.

— Бойтесь, что я не взорвусь? — Заира усмехнулась.

— Нет. Рамазан связался по мобильному с Муратом, сказал, в каком автобусе ты едешь. И Мурат приказал тебе пересесть. Здесь ходят «народные автобусы», желтого цвета. Надо туда... там много людей.

Говоря все это, Донцов плечом, аккуратно, но настойчиво оттеснял женщину от остановки, от ждущих маршрутку пассажиров. Говорил вполголоса: «Отойдем, тут услышат...»

Видя, что она поддается его уговорам, подумал уже, что ему вообще удастся уговорить Заиру от ее страшной затеи, но женщина вдруг смекнула, нутром почувствовала, что ее обманывают, что рядом с ней — чекист, он все придумал, сославшись на Мурата, выманил из автобуса. Откуда простому смертному знать Касымова? И что она, Заира, будет в Придонске?!

Черные ее безумные глаза вспыхнули яростью.

— Ты все врешь! — со злобой выдохнула она. — Мурат ничего не мог сказать...

Она шагнула назад, к остановке, где собралась уже приличная толпа (подходил как раз *желтый*, бесплатный автобус), и Донцов, удерживая Заиру, в отчаянии закричал:

— Бегите! Бегите! Это террористка, смертница! У нее взрывное...

Те, кто был посообразительнее, с хорошей реакцией, бросились врассыпную, не приняли крик седого мужчины за шутку; но побежали не все. Заира вырвалась, споткнулась в беге, запуталась в длинном своем платье, упала.

Донцов упал на нее сверху, и в этот момент прогремел взрыв.

Боль пронзила все его тело. В какое-то мгновение Донцов ощутил невесомость, наверное, в ту секунду, когда его подбросило вверх. В следующее мгновение он тяжело рухнул на асфальт, увидел разорванное тело Заиры и кровь... много крови.

В гаснущем его сознании еще отпечатались крики и стоны.

Потом наступила ночь.

Катившая мимо остановки «скорая» (водитель и врач видели все, что произошло), тут же резко затормозила; экипаж машины в полном составе бросился помогать раненым. Террористка лежала неподвижно, было件ятно, что она мертва. Двое-трое граждан звонили в полицию и ФСБ, звали на помощь и другие «скорые».

Врач склонился над Донцовым.

— Пульс пока есть, Юля, — сказал он, обращаясь к медсестре. — Но ранение серьезное... Нужна срочная операция. Грузим!

— Граждане, помогите! — призвала медсестра, совсем молоденькая голубоглазая девушка в белом халате. — Только осторожнее, пожалуйста! Видите, как человек изуродовало.

Донцова бережно положили на носилки, также бережно вкатили их в машину. «Скорая», развернувшись, с воем помчалась прочь.

— Господи! Спаси его! — истово крестилась средних лет женщина, держа за руку маленькую девочку. — Он же столько людей уберег от гибели! И нас с тобой, Наденька! Помни это всегда.

* * *

Через десять-пятнадцать минут на остановке, на месте происшествия, началось столпотворение — и просто любопытствующих граждан прибавилось, и полиция из ближайшего райотдела примчалась, и синие прокурорские мундиры замелькали в толпе; суетились тут и серьезные молодые люди, на куртках которых, на спине, белели большие буквы «ФСБ».

С сиренами и мигалками примчалось с десятков «скорых». Медики работали сноровисто и умело: кого-то из раненых сразу повели к машинам, кого-то бинтовали тут же, на скамейках автобусной остановки, кого-то, осмотрев, отпускали домой.

Двое полицейских разматывали вокруг места «чэпэ» пеструю ленту, отгоняли зевак.

Прокурорские следователи опрашивали очевидцев.

Мертвую террористку эксперты фотографировали в разных ракурсах, стремясь запечатлеть изуродованное ее лицо.

Группа озабоченных мужчин (по всему видно — начальство) переговаривалась между собой; один из них кому-то говорил по рации: «...Да, похоже это Заира Мамедова, товарищ генерал... Да, упустили, признаю... Народ говорит, какой-то человек вывел ее из автобуса... Нет, не наш сотрудник... Понял, доложу. Есть!»

За оцепление никого не пускали. И автобусы теперь останавливались чуть дальше места происшествия. За этим следили энергичные сотрудники ГИБДД.

Прибыли еще два черных, представительского класса автомобиля. Вышел из первого «Мерседеса» приземистый, коротко стриженный, со слегка растерянным взглядом генерал-лейтенант полиции; опустив голову, слушал доклад подскочившего к нему полковника.

Двое мужчин в гражданской одежде, присев на корточки, что-то собирали с обрызганного кровью асфальта.

Суетился у раскрытого своего чемоданчика высокий, с сосредоточенным лицом криминалист...

Словом, теперь здесь шла нужная, рутинная, но *только запоздалая работа.*